

1 января. В. Абдулов: «Часов в десять (вечера) мы с Валерой (Янковичем) собрались ехать, — на следующий день у нас были спектакли».

После обильного застолья Высоцкий внезапно «заводится»: у него кончились наркотики, и он решает срочно ехать в Москву. Но рядом находится жена, которая пока не догадывается о болезни мужа. И Высоцкий в очередной раз идет на обман: просит Янковича придумать подходящую причину для отъезда. Тот придумывает: мол, ему надо успеть в театр на утренний спектакль. Влади отпускает Высоцкого отвезти Янковича на своей машине, но только до ближайшей трассы в сторону Москвы.

Высоцкий гнал в Москву на своем «Мерседесе» с подмосковной дачи Э. Володарского и чуть не угробил своих друзей — Всеволода Абдулова и Валерия Янковича, врезавшись прямо напротив Первой Градской больницы в троллейбус. В результате друзья оказались в больнице: у Абдулова сломана рука, у Янковича сотрясение мозга.

Со 2 января до конца апреля ВВ возит на своей машине Владимир Шехтман (двоюродный брат В. Абдулова). Делает это по просьбе Туманова, у которого он тогда работал.

3 января. «Вишневый сад» - 19:00.

6 января. «Гамлет» - 19:00.

«Разговоры с Высоцким: Сволочи и стукачи»:

ГОРСКИЙ. Вот, Володя, и канул в Лету старый год (1979)! Чем он тебе запомнился?

ВЫСОЦКИЙ. Только сейчас я оценил по достоинству ушедший год, как это бывает после смерти близкого человека.

Г. Похоже, запахло некрологом.

В. Ты зря юморишь, ты, надеюсь, тоже испытываешь грусть при столь торжественном расставании. Только ты не хочешь признаться в этом. Во всяком случае, новогодней ночью на даче я чувствовал именно так — да и Маринка, и вся теплая компания вместе со мной, хотя некоторые из бражки больше веселились по поводу рождения Нового года, чем скорбели о кончине его предшественника. Но я не из тех, кто приветствует пришедшего и торопит уходящего. Последние годы я стал играть труса перед всякой новизной — новыми спектаклями, новыми знакомствами (кроме баб, конечно), новыми годами — из-за какого-то приобретенного душевного вывиха, мешающего мне смотреть без страха в рожу грядущему.

Г. Да будет, тебе, Вов, о будущем, давай о настоящем. Я тут прихватил “огнетушитель” на всякий пожарный случай. (Достаю шампанское из дипломата.)

В. (ставит бокалы на стол). Анекдот в жилу. Училка говорит ученикам: “Ребята, придумайте предложение, чтобы в нем были слова “на всякий случай””. Поднимает руку один из учеников: “Войны нет, а большую армию держим на всякий случай”. — “Молодец, правильно! Еще кто придумал?” Второй ученик: “Пожаров нет, а пожарников держим на всякий случай”. — “Молодчина! Кто еще придумал?” Поднимает руку мой тезка. “У нашего соседа жены нет, а пиписка стоит на всякий случай”. “Как тебе не стыдно, Вова! Разве можно такие вещи на уроках говорить!” Во время перемены училка подходит к Вовочке. “Дай мне адрес твоего соседа на всякий случай”. (Смотрит на свет бокалы, будто намереваясь обезжиривать их мыльной водой.) Терпимо.

Г. (откупориваю бутылку, наливаю шампанское в бокалы, чокаемся). За Старый Новый год! В наступившем году все начинается с нуля: год “чистый” — на ноль оканчивается... Ты хотел бы, чтобы это в полной мере относилось и к тебе?

В. Если бы мне пришлось начинать жизнь с нуля?.. (Пауза, очень короткая, — примерно такая, сколько времени требуется музыканту, чтобы перевернуть страницу нот.) Инерция словесной

формы подсказывает такой ответ: “Я повторил бы ее”. А тебе скажу вот что: ни в коем случае так, как прожил!

Г. (заинтересованный, наклоняюсь над столом). А как?

В. Гораздо честнее, интенсивнее, более деятельно, с большим присутствием духа и — уж можешь мне поверить! — не в пример трезвее... Я бы гораздо аккуратнее выбирал друзей-приятелей. Мне больше насрали в компот друзья-приятели, чем враги. Гораздо меньше людей подпускал бы к себе — половина оказались сволочами и стукачами...

Г. Здравствуй, Новый год! Как же ты, стреляный воробей-еврей, дал себя на мякине провести?!

В. Да вот промашку дал: не сразу разобрался.

Г. А надо было раскусить их раньше.

В. Рыбаки говорят, что между “раньше” и “позже” — море. К сожалению, только позднее я разобрался, что эта сволота не заслуживала доверия, что нужно было заранее предвидеть их действия и в соответствии с этим принимать контрмеры для самосохранения. Как подумая, кто стучал, писал телеги... Тут и соседи, и дворники, и лифтеры, и актеры, и поэты... В общем, что там! — всякой твари по паре.

Г. (с реалистических позиций). Да, но они не считали, что то, что они делают, — безнравственно, аморально.

В. Еще смешнее, что и мне это не казалось аморальным. Я им доверял. И не потому, что я, как тебе кажется, “наивняк”, а потому, что доверчив.

Г. До перебора, замечу. Надо, Вова, все подвергать сомнению — если ты хочешь обрести твердые убеждения!

В. Иначе говоря: все время подозревать людей в нечестности? Ничему не верить? Я так не могу!

Г. Между подозревать и сомневаться есть разница. Более того, в твоем возрасте пора бы уже знать, кому и чему не доверять. А у тебя — я свидетель — хроническая странная готовность доверять первому встречному - поперечному — и когда же? — как раз тогда, когда тебя только что обули на обе ноги.

В. Скажи, свидетель, а кто больше виноват — тот, кто обувает или тот, кто дает себя обуть?

Г. Оба. Но в твоем случае виноват только ты.

В. Почему? Я же пострадавшая сторона!

Г. Потому что ты постоянно инспирируешь обувщиков на обман.

В. Тут уж шире жопы не пернешь: я так устроен — верю в доброе начало человека. Человек привыкает к искривлениям — к общественным искривлениям — и гармония может шокировать его как нечто неестественное и патологическое. Ребенок, брошенный в лесу и выживший там, никогда не сможет принять человеческий облик. Только в романах Киплинга и в фильмах Трюффо ребенок-волк может стать человеком. В действительности же он утрачивает все человеческое и превращается в естественного врага человека. Доброе начало в нем исчезает за очень короткий срок. Однако деформация сама по себе не так страшна. Опасно, что понадобятся века, чтобы снова восстановить человеческие нормы. Если у человека сохранилась треть сознания, оно бдит, пытается предостеречь его от ошибочных действий...

Г. Похоже, у тебя в минувшие годы только эта треть и оставалась — если ты не избежал ошибок.

В. Выходит. Поскольку говорят “на ошибках учатся”, я приравняю этот процесс к учебнику. Теперь мне будет гораздо легче. Теперь я знаю, что делать, теперь не буду терзаться сомнениями, что, может быть, я не прав. Теперь легко разберусь, кто есть кто? Меня уже не так просто охмурить и обуть... Но все же порой я думаю, что б стало со мной, не будь этих ошибок и промахов? Возможно, когда удалишь занозу, исчезает боль, причиняемая жизнью...

Г. Занозу извлекаешь, жизнь остается — со всеми ее болями...

В. Вероятно, это и есть тайна... “Заноза” играет роль соавтора, подстрекателя, детонатора всех болей, но если сосредоточиться на ней, если описывать только “занозу”, тогда стихотворения не останутся, оно исчезает вместе с “занозой”... (Звякает звонок.) Гм...

Г. Кажется звонят.

В. Да, звонят к соседям. (Слышны мужские голоса — реплики прослушиваются плохо. Только иногда отчетливо слышится “нет”. Звякает звонок.)

Г. Теперь к тебе звонят. Слышал?

В. Да, слышал. Пойти открыть?

Г. А... придется.

В. Придется. Матери нет дома.

Г. Вот... опять звонят.

В. Ну, что ж... Я, пожалуй, открою. (Ясно слышны голоса Высоцкого и соседа.) Это вы, э-э?..

СОСЕД. Да, с Новым годом!

В. Спасибо, взаимно.

С. Владимир Семенович, у вас свет тоже погас?

В. Не заметил.

С. А Нины Максимовны нет?

В. Ну, нет. А вам-то что?

С. Да, собственно, ничего, я просто хотел узнать: это только у меня или во всем доме света нет. А пробки у вас есть?

В. Только в ушах...

С. А медной проволоочки не найдется?

В. Нет, я всю медь, бронзу, латунь, черт знает, что еще, сдал в утиль! Я и так не знаю, на том или на этом я свете, а вы еще с цветными металлами.

С. Извините, что потревожил. Желаю вам всего-всего хорошего в Новом году!

В. Благодарю... И вам желаю всего хорошего. (Закрывает дверь. Идет к столу, садится). Ходят тут всякие, не дают пообщаться с человеком.

Г. Только что ты говорил о бронзе и латуни. Ты уверен, что это металлы, а не сплавы?

В. Так ты подслушивал?

Г. Помилуй, вы так громко беседовали. А я, с твоего разрешения, не глухой.

В. А я, с твоего позволения, актер, а не металлург, чтобы знать такие тонкости.

Г. Мне хотелось бы затронуть еще твою слабую струнку.

В. Затронь...

Г. Скажи, но только откровенно...

В. (прерывает). Призыв к откровенности — уже недоверие. Неужели ты не заметил, что я постоянно, за исключением некоторых исключений, говорю откровенно?

Г. Что заставило Честного Яго (Так в Пятом управлении КГБ называли отца Владимира, который с завидным постоянством строчил телеги на собственного сына) стать сексотом - "патриотом"?

В. Только, за ради Бога, не спрашивай об этом!.. Об этом, старик, я не могу говорить с легким сердцем...

Г. Ты же крепкий мужик!

В. (плюет через плечо). Смотри, не сглазь меня.

Г. Я не знал, что ты суеверен.

В. После клинической смерти в Бухаре. (Кладет руку на сердце, и это наполняет меня чувством незаслуженной вины. Право же, как будто я не могу сгорать от любопытства, как его отец!) Ну да ладно, будь по-твоему, отвечу на вопрос, гнутый, как гвоздь — не обессудь! — полагаю, что отца подвигло на предательство — отчуждение.

Г. Причина его отчуждения от людей тебе не известна?

В. (сперва обзереваает кухню и бегло, бесконтрольно улыбается, потом переводит взгляд на меня). Послушай: я хочу сказать тебе одну вещь, но только между нами. Без булды. Считай, что я тебе ничего не говорил. Понимаешь? (Момент истины.) Ну так вот: недавно из надежных источников я узнал, что мой отец на фронте получал внеочередные погонные звездочки за те звезды, которые... (Замолкает, а по всему видно, что следующие слова он готов проглотить вместо шампанского, но, сообразив, что это почти невозможно, в ответ на мой вопрос: "которые — что?", продолжает.) ... которые по его вине появились на могилах сослуживцев...

Г. (в ступоре, из которого выхожу не вдруг). М-м... м-да... возможно ли...

В. (кисло улыбнувшись). Что-то ты стал заикаться, как Хмель (Б.И. Хмельницкий — актер театра на Таганке). У нас, старик, все в стране возможно. (Наливает шампанское в бокалы). Выпьем, будет что слить.

Г. (слушаю, как по-разному дзинькает бокал, до разного уровня наполняемый шампанским). Что отец говорит в свое оправдание?

В. Я его не спрашивал.

Г. Но ведь он твой отец!

В. (отхлебывает шампанею). Мы почти совсем чужие. Не скажу, чтоб я радовался этому. У него другая семья. Видимся очень редко. Изобличать отца — ловить его на скользком пути нравственного падения, учинять допрос ему, нагонять страху на него, а в ответ слышать что-то нечленераздельное, коммунистический бред и дурацкую отговорку: "Лучше стучать, чем перестукиваться" — делать все это так же стыдно, как и предавать. Поневоле стараешься избегать подобных разговоров.

Г. Ты стыдишься того, что тебе стыдно? Я тебя правильно понял?

В. (с равномерной дозой раздражения и злобы). Я стыжусь не своего стыда, а стыжусь своего отца.

Г. И за мной — ты не заметил? — волочится стыд, как за улиткой в дождь волочится слизь.

В. (глаза, преодолев хмельную раскосость, фокусируются на мне). А ты-то причем тут?

Г. Ну, как причем: мой отец, — как говорится, герой ВОВ, он тоже проливал... пот на войне. Служил во флоте в спортроде: бегал на лыжах, с мячиком, за женщинами и с доносами. Выслуживался перед командирами. Продавал своих оптом и в розницу. (Каждый из нас выпивает по бокалу самостоятельно, но после обоюдного признания возникла необходимость чокнуться, без чего, как известно, у собутыльников дело не ладится.)

В. (натужно икает). Вот тебе на! Пью шампанею, а отрыгивается квасом. Твой отец еще жив?

Г. С биологической точки зрения — да. И живет припеваючи. Он и по сей день проливает пот на лыжне и на приусадебном участке земли...

В. Однако ты безжалостный сын!

Г. Если хочешь знать...

В. Не хочу.

Г. (не даю себя перебить). ...Между нами, Вова, нет разницы; мы с тобой братья — точно. И еще: братья наших отцов! Никто нас с ними не раскует. А если кто и попробует, враз пупок развяжется. Нам, Вов, с отцами больше не повезло, нежели им с сыновьями. Лучше уж безотцовщина, чем такие отцы... Верно я говорю, братан?

В. (запускает в меня пробкой, чем и подтверждает братские узы). Ничего себе разговорчики до чего дошли! Хватит о проблеме “отцов и детей”! Мы должны привыкнуть к мысли, что есть проблемы, которые ни мы, ни другие не в состоянии решить. А может быть, есть и проблемы, которые никогда не будут решены. Предлагаю кончить этот неприятный разговор. Он меня угнетает.

Г. (скривив лицо). И меня тоже.

В. Рассказать анекдот для разрядки?

Г. Не надо. (Легонько извлекаю из бокала самую верхнюю ноту.) То есть надо!

В. Сидят двое, вроде нас с тобой, и тешат душу “огнетушителем”. Один разоткровенничался: “А помнишь: тебя в прошлом году за границу не пустили?” — “Помню”. — “Так это я капнул. А помнишь: тебя в КГБ вызывали?” — “Помню”. — “Так это я капнул”. Тогда второй ему с досады: “А помнишь: у тебя два года назад сын родился?” — “Помню”. — “Так это я капнул...”.

«Разговоры с Высоцким: КаГЭБэ»:

ГОРСКИЙ. Бешенство правды-матки — сугубо типичное свойство оппозиционеров и диссидентов, а в твоём, Володя, характере есть эта черта?

ВЫСОЦКИЙ. Бог миловал.

Г. Позволь с тобой не согласиться: неприятие или, удобнее сказать, отрицание в стране массового одурачивания выражается подчас тобой до такой степени правдиво, что сплоченную посредственность охватывает острое желание неизбежной расправы: “Но когда же, наконец, на его роток накинута платок?!”.

В. Ну что за люди? Если я буду молчать в тряпочку, у меня начнется кислородное голодание, размягчение мозга, и я впаду в полную апатию. Они этого хотят?!

Г. Они, Вов, просто не понимают — если твой рот будет герметически закрыт, это еще не значит, что ты не сможешь думать и что у тебя не будет своего мнения...

В. К твоему сведению: у того, кто молчит, нет никакого мнения. Обмен мнениями вроде обмена веществ в организме — если прекратится — организм погибнет. А молчание означает одобрение, виновность, трусость...

Г. Людям порядком надоели слова!

В. Чушь собачья! Надоели не слова, а молчание. Следовательно — одобрение, старина!

Г. Я бы тебе дал один совет, но боюсь не понравится...

В. Ха, рискни! Лишний совет — это не лишний вес, не повредит.

Г. Тогда слушай: первый закон выживания — не думать, а если все-таки не можешь от этого удержаться, тогда привыкай молчать, но если уж и молчать тебе невтерпеж, тогда остается только одно: говорить обратное тому, что ты думаешь!

В. А если мне хочется писать?

Г. Писать?

В. Да. Ты молчишь, но ведь пишешь, о чем думаешь!

Г. Разумеется, в принципе...

В. (спав с голоса, неразборчиво, прочищает горло) ...Я понимаю: моя песенка спета, поэтому (но и по другим причинам) я спешу исправить в ней отдельные, ошибочно взятые ноты, и проявить себя здесь, на воле.

Г. Неужто тебе грозит неволя?!

В. Однажды грозила: я чуть было не присел на год в кутузку по “девственной” статье 141 УК (“Девственной”, поскольку по этой статье — за плагиат — к тому времени никто еще не “привлекался”). Кстати, тогда обыватель, как ты сейчас, заволновался не на шутку. В письмах и по телефону (и откуда только узнали мой номер, если его нет в московском справочнике?) часто меня спрашивали — в какую тюрьму отправить передачу? Обычно — если я не уходил в “пике” или не выходил из него — я им не отвечал на этот вопрос, потому что за ним в большинстве случаев кроется или подъебка, или подлянка.

Г. Чем суд-то закончился?

В. Я отмазался за 900 рэ.

Г. Ну-ка, ну-ка, два слова об этом.

В. Трудно в двух словах (неизвестно: станет ли тебе яснее, если их будет больше?) рассказывать об этом. Но попытаюсь... (Пауза.) Так вот: состряпали на меня уголовное дело (№1498 / 73 г.) за выступления в Новокузнецке, а точнее — за евушенковскую песню “Человек за бортом”. Смех, да и только! Если я говорю об этом весело — как мне, наверное, свойственно, — то потому что все это — и шемакин суд, и штраф — не серьезно. А вот в 74-м... или 75-м году (в каком достоверно, хоть убей на месте, не помню, а может быть, — все может быть! — и в том, и в другом) в “охранке” (Пятое управление КГБ) мне серьезно угрожали: “Мы можем посадить тебя, Высоцкий, в одночасье...” Я в ответ вякнул: “Да я, товарищи, не представляю собой опасности ни для кого, чтобы меня сажать”. — “Даже отшельники и те не безгрешны”. — “Это я опасен?! Я?!”

Жалкий сочинитель виршей, которые неизвестно еще когда будут изданы и будут ли когда-нибудь изданы?! Опасны люди действия. Действие является предметом обвинения. В особенности — если оно вступает в конфликт с законом. А конфликт — не моя стихия. У меня все законненько, все чин чинарем”. Хотя это уже вовсе не соответствовало действительности.

Г. Если ты не опасен, то, может быть, исключительно ценен...

В. Что ты хочешь этим сказать?

Г. Не знаю, я думаю: они могли бы запросто похитить тебя, с пристрастием допросить, посадить в психушку, могли бы лишиться жизни, наконец. И поскольку гэбисты всего этого не сделали, то, возможно, им нужен ты — живой... Но чтобы ты знал, что тебе грозит опасность.

В. Может, ты и прав. Но мне кажется, все гораздо проще: чтобы человек стал послушным, достаточно сделать его виноватым. Вот они и стараются не покладая рук сделать меня виноватым.

Г. Если без дураков — ты струхнул тогда?

В. Тогда... Я чувствовал не больше, чем пацан, готовый к игре в “сыщики-разбойники”. Даже шутил: “В конце концов, мне, кроме цепей, терять нечего”. “Да, но не забывай, — осадили меня, — что их на тебе еще не было!” В другой раз: “Высоцкий, — сказал генерал (я хорошо помню звание говорившего со мной), — предупреждаю тебя, когда кто-то попадает под машину (толстый намек на погибшего под колесами Соломона Михоэлса) или чей-либо автомобиль “целует” столб (намек на мой “мерс”) — это всего лишь ДТП — обычное дорожно-транспортное происшествие!” Я даже не знаю, к сожалению или к счастью, таких “происшествий” со мной случалось всего два (в 1974 и в 1980 годах), и, как видишь, я цел и невредим! Впрочем, дело вовсе не во мне, а в том, что Тимур (Тамерлан) и его команда — не путай, старина, с гайдаровским “Тимуром и его командой” — воздвигавшие пирамиды из десятков тысяч черепов — ты только вдумайся! — ставили отметины на дверях жилищ лицедеев, философов, поэтов и художников или приставляли к ним охрану, чтобы, не дай Бог... Наша же “охранка” делает то же самое, но вовсе не для того, чтобы оберегать, стеречь, защищать...

Г. Поистине необъяснима иной раз государственная логика. А может быть, причина кроется в отсутствии таковой?

В. Но логичны они или алогичны, подобные действия, это — проявление государственного надзора, при котором, вероятно, все средства хороши...

Г. Внеси ясность, Вова!

В. Конкретные примеры? Пожалуйста. Недавно, — постой, когда это было? — впрочем, не играет роли, я столкнулся с комитетчиком сопаткой к сопатке. Некоторое время мы внимательно приглядывались друг к другу, как два боксера при неясном финале боя. Он рылся — угадай где?

Г. В помойке...

В. Нехорошо оскорблять гэбистов. Они же ассенизаторы человечества, а не отхожих мест.

Г. Ну, тогда не знаю, где он копался.

В. Где, где — в ящике почтовом.

Г. Разве у нас перлюстрация не запрещена?!

В. Вот-вот, и я комитетчика о том же спросил. И в ответ услышал: “Жаль, что ты меня не знаешь. Но я уверен: ты догадываешься — кто я. А раз так, то мы можем вести открытый дружеский

диалог. Я человек сговорчивый, но предупреждаю: не все в органах такие, как я, и, если тебя истолкуют иначе — а, как говорится, очень легко быть поставленным в строку, — тогда, возможно, тебе не выпутаться”. Я: “Но не всякое лыко в строку”. “Это не мелочи. Тебе прощаются грехи, и не малые, потому что у тебя жена — хоть и французская, но коммунистка. Ты слишком много болтаешь необдуманного... И еще ругаешь кое-какие советские святыни, иногда сбиваешь народ с панталыку... Так что не мути воды и не лезь на рожон!” “Лезу не я, а вы залезли ко мне в почтовый ящик!” — залупился я. “Возьми свою почту и имей в виду, что у тебя могут исчезнуть кое-какие записи (подразумевался самиздатовский альманах “Метрополь”), и тогда ты окончательно влипнешь!” “Как это исчезнут?! — поинтересовался я, встревоженный тем, как он произнес последние слова — почти прошептал каким-то странным, причудливым голосом, так что я не мог понять: то ли он предупреждает, то ли просит меня. — Кто-нибудь заберется в квартиру в мое отсутствие?” — “Никто не заберется, но... В том-то и весь фокус! Нам известно даже, что у тебя на душе, а не только в кармане или почтовом ящике!” — “Какое вам дело до моих денег и до моей души? Ведь это мое право — растрчивать свою жизнь по своему усмотрению или не мое?” — “Ответ не предусмотрен в нашем разговоре... Во всяком случае, мы с тобой не встречались и ты ничего от меня не слышал — если хочешь жить спокойно”. Он удавом посмотрел на меня, отчужденно и морозно улыбнулся и свалил.

Г. Твоя, Вов, бесхребетность в данной ситуации меня удивила. Почему ты его отпустил без заслуженной зуботычины?!

В. Видишь ли, старик, мой справедливый гнев был смягчен тем фактом, что однажды я уже прошел через подобную ситуацию... Ну, не совсем такую, конечно, но у меня был опыт: я уже знал сценарий. Как в древнегреческих трагедиях, когда почти ежегодно шло серийное производство Антигон и когда поэты не имели права изменять даже в общих чертах ни фактов, ни выводов, ни действий, так что нововведение проявлялось лишь в деталях, в толковании или произношении, — также и эта слежка, со всеми вытекающими из нее последствиями, производилась по определенному шаблону, по довольно точно установленному порядку. Это, впрочем, не совсем исключало новшества и даже сюрпризы, но в целом их способность фантазировать была весьма ограничена. Слежка всегда однообразна...

Г. Послушали... вернее, подслушали бы нас кагэбэшники, что мы с тобой травим. Они бы уж!

В. Но не думаю, что они постреляли бы в нас, как в анекдоте — слышал?

Г. Нет.

В. Тогда слушай: одному советскому гражданину вдруг вздумалось говорить совершенно очевидные вещи. Ходил он по городским улицам и громко всех оповещал: “Деньги есть, а купить нечего! Горше муки не выдумать. Водки нет, мяса нет, колбасы нет”. Ему интеллигентно посоветовали молчать в тряпочку и не искажать и без того искаженную действительность. Тот совету разума не внял и продолжал свои героические рейды по самым оживленным улицам города. Пропагандиста решили наказать для острастки и поставили к стенке, видя, что иными средствами его не заставишь замолчать. Бравый чекист скомандовал: “Пли!”, и опричники махнули по диссиденту холостыми патронами. Ощупав свое целое и невредимое тело, гражданин теперь уже действительно пришел в ужас. “Дожили, — закричал он, — уже даже пули кончились!”.

Г. (встаю, подтягиваю спустившийся носок, затем подхожу к незрячему телевизору и рисую пальцем на запыленном экране большое ухо, напевая). “Родина слышит, родина знает...” Извини, Володя, перед пыльной мебелью и экранами я устоять не могу. Мне всегда хочется нарисовать на их поверхности что-нибудь. А тебе?

В. Я в основном на застывших стеклах окон изображаю босые ступни и пишу: “Жар-р-ра! Все на пляж!”.

Г. Скажи: тебе, случайно, в КГБ не предлагали продаться за тридцать серебряников?

В. Как ни странно, но мне не посмели этого предложить. Я себе объясняю это так: меня всегда переоценивали — переоценили в творческом плане, и — ох! — получил; переоценили мою нравственность и не впутали меня в парашные дела. И создали мне хорошую биографию. Я воспитан в романтическом духе — театром и кино, не жизнью, и, играя на этой романтической струне, меня запросто можно склонить к преступлению...

Г. Ты этого опасешься?

В. Да... Физической боли я — ты же знаешь — не боюсь... Боюсь собственного унижения, в котором мог бы участвовать, не отдавая себе отчета в этом. Боюсь предать самого себя...

Г. Разве ты не знаешь себя?

В. Один еврейский учитель провел в пустыне сорок лет, чтобы понять, что такое жизнь. И когда его спросили об этом, он ответил: "Жизнь есть поток". — "В самом деле?" — спросили его. "А, может, и не поток..." — сказал он. И я, кажется, узнал о себе не больше. Но постоянно удивляюсь. Хотя не суетен, меня интересует: что я представляю собой в плане нравственности.

Г. ...Значит — если бы тебе предложили серебряники...

В. А то нет! Не за тридцать иудинных серебряников — не так уж я глуп, как прикидываюсь, — а скажем, за какой-нибудь миллиончик. Да не рублей, болван, а долларов. Тогда, надо думать, у меня не было бы такой красивой судьбы.

Г. Это ты так думаешь сейчас...

В. Допускаю! Человек должен допускать абсолютно все, должен быть начеку, выражаясь шершавым языком наглядной агитации. Люди, будьте бдительны! (Включает телевизор).

6 января. «Гамлет» - 19:00.

7 января. Высоцкий кладет на стол Любимову заявление с просьбой дать ему годичный отпуск в театре, объясняя это тем, что он хочет заняться кинорежиссурой. Он решил снять на телевидении (в объединении «Экран») фильм «Зеленый фургон» по одноименной книге Е. Казачинского.

«Вишневый сад» - 12:00. «Преступление и наказание» - 19:00.

8 января – 26 февраля. Отпущен из театра.

9 января из Москвы во Францию улетает Марина Влади. Заметим — улетает одна, без Высоцкого. Хотя до этого на протяжении последних нескольких лет он почти ежегодно в начале года выезжал вместе с ней. Так было в 1975 году (отъезд 24 января), в 1977-м (отъезд в конце февраля), в 1978-м (отъезд 12 января), в 1979-м (отъезд 10 января). Но в 1980 году все уже было иначе. Обнаружилось, что Высоцкий употребляет наркотики, и КГБ в его услугах больше не нуждается. Правда, по приказу Андропова, расстаются с ним тактично. Во-первых, его уважают как ценного агента (пусть и бывшего), сделавшего много полезного как для КГБ, так и для Родины. Во-вторых, ему сочувствуют как больному человеку, угодившему в омут наркомании не без косвенного участия КГБ. Поэтому ему сообщают, что международные операции откладываются и что он должен пока находиться на родине. Но Высоцкий слишком умен, чтобы не заподозрить подвоха. Однако виду не подает — все еще надеется справиться с наркотиками собственными силами и вернуться себе расположение бывших работодателей.

10 января. Концерт ВВ: Москва /Нарышкинская аллея, д. 5, стр. 1/ усадьба «Чёрный лебедь» (дом Рябушинского). Для сотрудников Всесоюзного научно-исследовательского и проектно-конструкторского института атомного энергетического машиностроения министерства энергетического машиностроения СССР, (ВНИИАМ).

13 января. Концерт в Москве, в Клубе АН.

«Разговоры с Высоцким: Внутренний жандарм»:

ГОРСКИЙ. Как ты, Володя, считаешь — гражданам СССР гарантируется законом свобода слова, свобода печати, свобода собраний, митингов и демонстраций? (Опять заготовка КГБ).

ВЫСОЦКИЙ. И тени свободы не наблюдается. Вспомни хотя бы: бульдозерную выставку художников, альманах отверженной литературы (“Метрополь”), книгу “Доктор Живаго”, демонстрацию на Красной площади против ввода советских танков в Чехословакию... Не свободен и даже сам Господь Бог, ибо он не может вдруг изменить закон сотворенного им мира...

Г. Если не может, то он (не сочти это за богохульство) не Бог, так как не всемогущ.

В. Нет, может — если откажется от атрибута мудрости... Впрочем, есть одна-единственная, настоящая подлинная свобода, которой мы обладаем во всей полноте, — это свобода воображения...

Г. Не отрицаю: оно безгранично. Но парадокс воображения заключается в том, что оно имеет много пограничников. Неужели тебе не знаком ни один пограничник или автоцензор, или самоцензор, назови, как хочешь...

В. Внутренний жандарм. (Пожимает плечами.) Нет, не знаком мне сей гнусный тип.

Г. Может, все-таки знаком? Потому что от самоцензуры больше всего страдают пишущие люди. (Без эмоций: повторяю многократно высказанную разным собеседникам мысль.) Самоцензура — это не сожженный черновик, а неумение писать иначе. Она — не информация, которую запрещают разглашать, а информация, которую мы (надо полагать, рефлекторно) не замечаем. Самоцензура — не Венера, изображенная в купальнике для благообразности. Самоцензура — бесполой Венера, изображенная таковой в силу убежденности, что Венеру не следует изображать иным образом. Самоцензура — не “отредактированный стиль”, а сам по себе стиль, которого мы (сужу по себе) не можем избежать...

В. Отчего же? Я могу! Потому что для меня правда и внутренняя свобода превыше всего. Ничто так не освобождает меня, как правда, — и нигде так внутренняя свобода не нужна, как в поэзии: не зря поэзию называют еще “вольным ветром”. Способен ли поэт понимать что к чему — если он живет с внутренним жандармом? Пушкин это хорошо понимал: не случайно в своем сонете он напутствовал: “...дорогою свободной иди, куда влечет тебя свободный ум...”.

Г. Отсутствием подобной свободы объясняется, замечу попутно, и то, почему ни один из советских поэтов, несмотря на их безусловное дарование, не создал ничего путного; ни один из них не сумел освободиться — хоть на мгновение — от самоцензуры.

В. Я замечу грубее: внутренний жандарм привел версификаторов к творчеству, — прости за натурализм! — кастрированным их собственными руками. И что характерно: их стихи — просто смятые, раздавленные, разбитые яйца, белок и желток которых разлился, не обретя формы и не произведя на свет цыпленка, а белок и желток, как ты знаешь, — это исторические символы поэзии. Самое смешное, что среди этих куриц мужского пола я встречаю и многих, чтобы не сказать большинство, своих знакомых. (Смотрит на меня. Я невольно хватаюсь за мошонку.) Вообще-то я не имел в виду тебя.

Г. Меня, то есть их, пожалуй, надо, а ты смеешься...

В. Да брось ты, старик! Они нуждаются не в сочувствии, а прежде всего в самоанализе, самопознании и в саморазоблачении всех выпестованных химер, позволивших им жить с внутренним жандармом. Преодоление внутреннего жандарма прежде всего требует преодоления их собственной ограниченности через беспощадность самооценки. Им нужно пройти

(да и как иначе!) этот путь — ибо таким образом им удастся изменить и внешние предпосылки, создать общественную среду, которая не нуждается в цензуре и лакировке.

Г. Саморасправа, самооценка, саморазоблачение — звучит симпатично, но, во-первых, слишком радикально, чего мы не привыкли делать и, во-вторых, — едва ли после твоих рекомендаций они смогут трансформироваться...

В. Почему?

Г. Потому что много петухов стало скопцами, но ни один — заметь! — скопец не стал петухом.

В. Выходит: что позволено мужику (подражает голосу кастрата), то не дозволено евнуху. (Возвращаясь к своему собственному голосу.) Есть анекдот в жилу: что такое трансформация? Это превратить мыло в собаку.

Г. Вов! Часы стоят, что ли?

В. Нет, то есть да. Надо завести...

Г. А который час?

В. (смеется). Один мой кореш тоже не знал, который час, и решил спросить у меня. А я не будь прост, говорю ему: спектакль уже закончился, это означает, что дело идет к моменту нижней кульминации солнца. "А я, — отвечает он, — и не думал, что ты такой башковитый..."

Г. М-м...

В. Э-э... полночь, только полночь.

Г. Не только, а уже. Надо успеть на метро до его закрытия.

В. Ура-а! — то есть, я хотел сказать: увы! — ты уходить. Старик, оставайся, распишем пулюку...

Г. (собираясь). Извини, завтра у меня трудный день.

В. Не обессудь, машина не на ходу, а то тебя бы в два счета доставил.

Г. Для такого случая мог бы и отремонтировать.

В. Ты свои претензии при себе оставь. У меня диалектика железная. Я в данный момент занимаюсь количественным накоплением. Покуда тачка не на ходу — она количественное накопление. А начнет бегать — превратится в качественное. И такой день наступит. Непременно. А пока, ты прав, надо ее отремонтировать и... законсервировать на зиму.

Г. В масле селедочном или в винном соусе? Ты бы как предпочел?

В. Чё спрашиваешь? Ты же знаешь: мы оба предпочитаем сорокоградусную с яйцами в белом соусе. К месту анекдот, рассказанный мне Даном (Даниэль Ольбрыхский — польский киноактер, друг Высоцкого): Совейский Союз предложил польскому народу на Пасху миллион яиц, но шляхтичи наотрез отказались от этого дара, посчитав, что в этом случае в Польшу пришло бы минимум 500 тысяч советских солдат. (Оба одновременно смеемся.)

20 января. Высоцкий выступает (одна песня) в Центральном Доме литераторов, где проходит творческий вечер братьев Вайнеров.

22 января. Высоцкий записывается с собственными песнями на Центральном телевидении, в передаче «Кинопанорама».

«Дупаку Н. Л. от артиста Высоцкого В. С. Заявление. Прошу командировать меня для работы на Одесскую киностудию в связи с тем что я утверждён режиссёром-постановщиком

к/к (кинокартины) „Зелёный фургон” на Одесской киностудии сроком на один год. Высоцк.». «О.К. Директору театра Прошу подготовить Драмы и Комедии приказ на Таганке Н. Дупак.».

«Уважаемый Николай Лукьянович! В связи с моей работой над к/к „Зелёный фургон” Одесской киностудии я прошу составить со мной договор на разовую оплату спектаклей, т.к. большую часть подготовительного периода, а возможно и съёмки я буду проводить в Москве. Удобно было бы планировать мои спектакли на субботу и воскресенье. Я буду согласовывать это заранее за 2 или полтора месяца до спектаклей. С уважением Высоцк.».

«О.К. Прошу подготовить договор Н. Дупак.».

«Дупаку Н. Л. Заявление Прошу предоставить мне отпуск без сохранения содержания по семейным обстоятельствам с 18 февраля 1980 г. 22 января 1980 г. Высоцк.».

«О.К. Директору театра Прошу подготовить Драмы и Комедии приказ на Таганке Н. Дупак.».

Для поездки ВВ в начале марта во Францию и Италию.

23 января. Побывал на приеме у директора телевизионного объединения «Экран» Грошева по поводу возможности снимать там телефильм «Зелёный фургон» (в качестве режиссера и исполнителя роли Красавчика).

24 января. Преступление и наказание - 19:00.

25 января. Концерт в Московской области, в Менделееве.

26 – 27 января. Проходит курс лечения на дому.

Январь. «Стреляли мы по черепу - на счастье...» (Детские мудрости);

«Из класса в класс мы вверх пойдём, как по ступеням...» (Гимн бузовиков) - для телефильма «Наше призвание» (1981); «Неужто здесь сошелся клином свет...».

Песни (3) для телефильма «Зелёный фургон»: 1) «Под деньгами на кону...» (Песня Сашки Червня), 2) «Проскакали всю страну...» (Песня инвалида); 3) «Где девочки? Маруся, Рая, Роза?...» (Одесские куплеты).

«Граждане, ах, сколько ж я не пел, но не от лени...» (Братьям Вайнерам);

«Я не спел вам в кино, хоть хотел...» (Вайнерам);

«Жора и Аркадий Вайнер...» (Письмо торговца фруктами); «Сколько книг у вас, отвечайте?...» (Вайнерам).

1 февраля. Концерт ВВ: Москва /Нижегородская ул., 29/ Всесоюзный научно-исследовательский, проектно-конструкторский и технологический институт электротермического оборудования министерства электротехнической промышленности СССР. (ВНИИЭТО).

11 февраля. «Преступление и наказание» - 19:00.

20 февраля. Концерт ВВ: Московская обл., Раменский район, г. Жуковский /ул. Гагарина, 16/ московский физико-технический институт (МФТИ), факультет аэромеханики и летательной техники.

25 февраля. Концерт в 31-й больнице (Олимпийская поликлиника), 1 ч. 33 мин.

26 февраля. «Гамлет» - 19:00. Внеурочный.

27 февраля. Концерт ВВ: Москва /2-я Бауманская ул., д. 5/ ДК высшего технического училища имени Николая Эрнестовича Баумана. Большой концертный зал. (МВТУ имени Баумана).

29 февраля. 2 концерта ВВ: Москва /Нижняя Красносельская ул., 39/ институт комплексных транспортных проблем при Госплане СССР, (ИКТП). Начало в 16 часов.

Московская обл., г. Долгопрудный /Институтский пер., 9/ московский физико-технический институт (МФТИ) ДК "Романтик", конференц-зал главного корпуса. Присутствовали: Феликс Михайлович Дашков, Всеволод Осипович Абдулов. Начало в 19 часов 30 минут.

Э. Володарский: «К марту дом на моем (дачном) участке Володе построили».

Оксана Афанасьева: «Дом на Малой Грузинской он не любил из-за людей, которые там живут. Володя называл его "гадюшник". Он очень хотел жить в доме на Сивцевом Вражке. Двухэтажный кирпичный розовый дом. На чердаке он мечтал сделать студию».

26 февраля. «Гамлет» - 19:00.

28 февраля. «Вишневый сад» - 19:00.

2 – 8-м марта Марина Влади в своей книге датирует встречу с Высоцким в Венеции.

3 марта. 20-минутная запись на студии Михаила Шемякина.

21 марта. Высоцкий в Москве.

27 марта. Концерт ВВ: Москва /Большая Тульская ул., 44/ ДК «Коммуна» хлопчатобумажной фабрики имени М.В. Фрунзе, клуб «Диапазон». Начало в 19 часов.

28 марта. Концерт ВВ: Москва /ул. Вавилова, д. 91/ средняя общеобразовательная школа № 779.

5 апреля. Концерт ВВ: Москва /ул. «Правды», 1/ ДК имени Валерия Павловича Чкалова. «Преступление и наказание»- 19:00.

7 апреля. Концерт в Москве, в МИЭМе.

8 апреля. «Гамлет» - 19:00.

10 апреля. Концерт ВВ: Москва /3-я Мытищинская ул., 3/ Всесоюзный проектно-технологический институт тяжёлого машиностроения министерства тяжёлого и транспортного машиностроения СССР, (ВПТИтяжмаш).

11 апреля. «Гамлет» - 19:00.

12 апреля. Московская область, г. Троицк, дом учёных /Сиреневый бульвар, д. 1/ на 41 км Калужского шоссе. Выступление на "Дне физика" научного центра академии наук СССР.

13 апреля. Москва /ул. Дубосековская, д. 8/ ДК московского государственного авиационного института имени Серго Орджоникидзе (МАИ). Спектакль «В поисках жанра» (1 ч. 03 мин). Последний раз Высоцкий принимает участие в этом спектакле.

14 апреля. Высоцкий присутствует на открытии чемпионата Москвы по каратэ. На соревнования его пригласил давнишний друг Алексей Штурмин — организатор Всесоюзной федерации каратэ.

Концерт ВВ: Москва /Бригадирский пер., 13/ военная академия химической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. (Академия химзащиты имени Тимошенко).

16 апреля. Ленинград, малая сцена Большого академического драматического театра им. Максима Горького. (БДТ). Съёмка телевизионного фильма «Я помню чудное мгновенье...» режиссёра Владислава Виноградова. Последняя съёмка Высоцкого.

18 апреля. Москва, Сокольнический район /ул. Большая Оленья д. 15/ Центральный проектный институт связи Министерства обороны СССР (войсковая часть № 44910). "Дядя Высоцкого" - Лев Израилевич Сарнов. Высоцкий здесь уже выступал в 1973 году. На концерте было около 200 человек. Начало в 14:00.

22 апреля. Накануне 16-летия театра состоялось торжественное открытие новой сцены и первый спектакль на ней.

23 – 24 апреля. Проходит курс лечения в Институте скорой помощи имени Склифосовского (гемосорбция).

26 апреля. «Преступление и наказание» - 19:00.

28 апреля. Концерт ВВ: Москва /Научный проезд, д. 14а/ Всесоюзный научно-исследовательский витаминный институт министерства медицинской промышленности СССР (ВНИВИ).
Начало в 17 часов.

29 апреля. Концерт в Московской области, в Троицке (Институт физики высоких давлений).

1 мая. Высоцкий был дома в компании своих близких друзей: Оксаны Афанасьевой, Вадима Туманова, Валерия Янкловича, Анатолия Федотова, Владимира Шехтмана. В середине дня внезапно появился пьяный Олег Даль. Сказал, что не может в таком виде возвратиться домой и попросил приютить его на несколько часов. Высоцкий разрешил. На следующий день на кухне этой же квартиры Далю вшили «торпеду» (это сделал Федотов).

2 мая. Юрий Этин: «Звонит мне Ролан Быков: "Ко мне придёт Михаил Львовский. Он собрал полное собрание сочинений Высоцкого и хочет показать мне" Началось всё это часов в восемь вечера, а закончилось в шесть или в семь утра... И Быков молчал и только слушал. Только посматривал на нас. И в его взоре читалось: "Ну как? Вы понимаете, что это гениально?" И вдруг у меня как будто волосы начали шевелиться. Я понял, что Высоцкий, как Пимен, который описал всю нашу жизнь».

3 мая. Высоцкий в последний раз играет в спектакле «Добрый человек из Сезуана» в роли Янг Суна, а всего – в ролях Второго бога, Мужа и Лётчика, – принял участие в 272 спектаклях.

5 мая. Концерт ВВ: Москва /ул. Дербенёвская, д. 16/ ДК профессионального технического образования, (ДК ПТО).

6 мая. "Преступление и наказание" и «японская» съёмка.

7 мая. «Гамлет» - 19:00.

9 мая. Домашний концерт в Москве, у В. Баранчикова.

Накануне вылета в Париж, Высоцкий звонит Марине и просит её не встречать его в аэропорту – дескать, доберётся сам.

ВВ дал обещание жене "завязать" (с наркотиками) к 10 мая, её дню рождения, приехать к ней, чтоб отпраздновать этот день и чтоб она убедилась: он может, он смог. Но по своему опыту ВВ знал, что происходит, что будет происходить с организмом, если резко бросить. Приняв решение лететь в Париж, он уже понимал, что будет там твориться с ним, ведь возможности достать наркотики в Париже, в отличие от Москвы, у него не было. Поэтому он решил выбрать компромиссный вариант, а именно: наркотик не употреблять, но по прилёте в Париж прежде зайти в какое-нибудь заведение и там привести себя "в форму" спиртным, после чего уже поехать к Марине. ВВ понимал: если она встретит его в аэропорту, то, вполне вероятно, не даст ему ни глотка.

10 мая. Высоцкий рано утром улетает в Париж, но междугородные звонки из его квартиры происходят почти ежедневно до 2 июня. Вывод такой: Янкович «плотно» поселился на М. Грузинской в конце апреля 1980, после того как ВВ пригласил оставшуюся без крова Барбару Немчик (невесту Янкловича) переехать к нему.

Игорь Шевцов: "В день отъезда я его провожал. Были Валера Янклович и Оксана.

Было очень рано, часов шесть утра».

При этом Высоцкий до конца не уверен в своём желании лететь в Париж и даже намеренно опаздывает. Но по какой-то причине рейс задерживают, и он успевает на него.

На посадке ВВ встречает Зою Борисовну Богуславскую и приглашает её лететь рядом с собой в первом классе. Во время полёта ему явно плохо, на глазах становится всё хуже и хуже.

Богуславская пробует ему помочь таблеткой аспирина, но это ненадолго. До конца полёта Высоцкий спит или находится в забытьи. По прилёте и получении багажа Владимир Высоцкий и Зоя Богуславская расстаются.

После приземления Высоцкий исчезает на несколько часов. В этот период (но никак не в самолёте!) он напивается, напивается жёстко, чтоб снять ломку.

Ближе к ночи, после звонка некой "подруги", Марина с сыном отправляются на поиски Высоцкого и находят его в "Распутине".

11 мая. Влади уговаривает Высоцкого лечь в клинику Шарантон, где лечился от наркомании ее старший сын Игорь.

11 – 21 мая. Пребывание в клинике «Шарантон».

16 мая. В. Золотухин: «Мы в Польше. Вроцлав. Сразу события — у Володи в Париже предынфарктное состояние, отменяется «Гамлет».

18 или 20 мая Высоцкий уговаривает Марину подписать согласие на выписку его из клиники, поскольку уже идут гастроли Театра на Таганке в Польше, и по вине Высоцкого начались замены и срывы спектаклей.

22 мая. ВВ на сутки прилетел в Москву. В те дни у Оксаны покончил жизнь самоубийством отец. Он пробыл с Оксаной меньше суток, после чего отправился в Польшу.

23 мая. ВВ в Варшаве, где «Таганка» участвует в смотре театров мира (фестиваль «Варшавские встречи»).. На сцену вышел через три дня.

26 мая. Польша. Варшава. В. Золотухин: «Приехал Володя и великолепно играл. Спектакль имеет совершенно иной уровень с его участием».

Владимир Высоцкий выступил в роли Янг Суна в «Добром человеке из Сезуана».

27 мая. Польша, Варшава. «Гамлет» - 19:00.

28 мая. Польша, Варшава. «Гамлет» - 19:00.

В. Золотухин: «Смотрел второго «Гамлета»: не понравилось. Не могут эти люди играть такую литературу, такую образность, поэзию... Вовка еще как то выкручивается, хорошо грубо зримо текст доносит... Постановочно — это убожество все - таки».

Гастроли в Польше прошли очень хорошо, просто удивительно. Проходили они в двух городах - во Вроцлаве и в Варшаве. Сначала в Вроцлаве, куда Высоцкий не прилетел, потом в Варшаве, где он сыграл за четыре дня два спектакля, был в прекрасной форме, хотя и очень нервничал... По окончании спектакля («Гамлет») зрители минут сорок аплодировали стоя. Даниэль Ольбрыхский сказал, что впервые видит, чтобы иностранные артисты заставили польских панов встать и хлопать.

В. Сверч: «Очарованный его игрой, я ворвался за кулисы, в уборную актера. Он заметил мое восхищение, подал руку с широкой, хотя и удивленной улыбкой, подписал программку со своим фото и затянулся дешевой сигаретой... Я робко попросил о беседе для „Штандарт молодых“. — „Интервью?!“ — „Я очень вас прошу! Я это хорошо сделаю!“ — „Извини, друг, я очень устал... Приезжай в Москву! Сделаем такое интервью, что и Польша, и весь мир вздрогнут...“. Что имел в виду Высоцкий: события в Афганистане или в Польше?

Решился сделать какое-то резкое политическое заявление и ждет удобного повода – возвращения на родину? Но никакого заявления Высоцкий так и не делает.

«Высоцкий хотел рассказать мировой общественности о связях с КГБ. Если агент может заговорить — в данном случае из-за наркомании, — его устраняют. Гибель Высоцкого, это была обыкновенная «зачистка».

30 мая. Взяв на «Варшавских встречах» первую премию, Таганка стала собираться обратно в Москву. Перед отъездом, состоялся прощальный банкет. Высоцкий сидел за столом со своим другом – польским актером Даниэлем Ольбрыхским и его женой. Весь вечер Высоцкий и Ольбрыхский обсуждали не итоги фестиваля, а идею совместного фильма «Каникулы после войны»,

Май. «Однако, втягивать живот...»; «Я лежу в самом центре, в Париже...»; «Мог бы быть я при теще, при тесте...»; «Если счетом считать - сто на сто!...» (Баллада о гусях) - для фильма «Мерседес уходит от погони»; «Общаюсь с тишиной я...» - «Уйду я в это лето...»; «Жан, Жак, Гийом, Густав - нормальные французы...».

1 июня. «Мне снятся крысы, хоботы и черти...» (Две просьбы), «Чту Фауста ли, Дориана Грея ли...» (Две просьбы).

30 мая – 11 июня. Пребывание в Париже, где они с Влади предпринимают еще одну попытку «соскочить с иглы» – только на этот раз без помощи врачей, а полагаясь исключительно на силу воли Высоцкого. Они уезжают на юг Франции, в маленький дом сестры Марины Одиль Версуа на берегу моря. Высоцкий сидит на пилюлях. Но его хватает ненадолго. В итоге – очередное поражение.

<До 10 июня 1980 года>
Италия, М. Влади.

«Мариночка, любимая моя, я тону в неизвестности.
У меня впечатление, что я смогу найти выход, несмотря на то, что я сейчас нахожусь в каком-то слабом и неустойчивом периоде.

Может быть, мне нужна будет обстановка, в которой я чувствовал бы себя необходимым, полезным и не больным. Главное — я хочу, чтобы ты оставила мне надежду, чтобы ты не принимала это за разрыв, ты — единственная, благодаря кому я смогу снова встать на ноги.

Еще раз — я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было плохо.
Потом все встанет на свое место, мы поговорим и будем жить счастливо.
Ты. В. Высоцкий».

М. Влади: «Подпись “Ты”, которую мы использовали в нашей переписке, появилась после того, как мы с тобой слышали однажды одну красивую индийскую притчу...».

11 июня. Высоцкий покидает Париж. Фактически Влади выставила супруга, поскольку он не оправдал ее ожиданий. Однако она находит в себе силы обнять мужа и произносит напутственные слова: «Береги себя. Будь осторожен. Не делай глупостей». Только они вдвоем понимают истинный смысл этого напутствия: их агентурная суперпара развалилась, но Влади совсем не хочется, чтобы один из них в результате этого расстался с жизнью. Но Высоцкий уже потерял осторожность — еще в Польше. И вообще он наделал слишком много глупостей на почве своей болезни. Теперь его уже ничто не могло спасти, даже останься он на Западе.

Высоцкий летит не в Москву, а в Бонн, где живет его давний приятель Роман Фрумзон. У него он проводит сутки, жена Романа передает с Высоцким в Москву какие-то вещи.

12 июня. Высоцкий поездом выезжает в Москву.

На Белорусском вокзале его встречали Оксана, Абдулов, Янкович и Шехтман (им позвонили из Бреста таможенники, с которыми Высоцкий в те часы выпивал и которым по пьяни раздарил много из тех вещей, которые он вез из загранки). Высоцкий приехал «никакой».

13 июня. Высоцкий вдрызг разругался с Анатолием Федотовым. Искал какие-то кассеты со своими записями, не нашел их и обвинил в краже Федотова. Не выбирая выражений, выгнал его из дома. А спустя несколько дней кассеты нашлись в другом месте. Высоцкий сам позвонил Федотову и извинился за грубость.

«Разговоры с Высоцким: Последние сто метров на пути к Азраилу»:

ВЫСОЦКИЙ (не при полном параде и в плохом настроении — если верить своим глазам).
Проходи, садись.

ГОРСКИЙ (смотрю подозрительно на него). С чего ты такой красный, как кумач?

В. Цвет времени, старик.

Г. Ну, а вообще-то ты как?

В. Ничего. А что?

Г. Просто так. Я это и хотел услышать.

В. (показывает на раскрытую книгу). Ты читал про Карла?

Г. Обижаешь, брат. Кто ж не читал про папу Карла!

В. Я имел в виду Карла V. Он прорепетировал порядок своего погребения до совершения факта — если можно так выразиться... Он живехонький стоял за занавеской в окне своего дворца и по его приказу перед дворцом проходила похоронная процессия: члена его семьи, придворные, духовенство, инквизиторы, рать, плебс... Гроб был покрыт темной тканью, но, разумеется, пуст. А он стоял за занавеской и ухмылялся, глядя на их притворную скорбь.

Г. А коня, на котором он выезжал в торжественных случаях, провели?

В. Думаю, что да... Я еще до этого не дошел.

Г. Вов, с чего это ты рассказал о лжепохоронах? В добром ли ты здравии?

В. (преодолевая желание сматериться). И ты туда же! Все будто сговорились нарочно трепать мне нервы. Постоянно спрашиваете о моем здоровье, относитесь ко мне, как к тяжелобольному, которого следует срочно поместить в палату, и не простую, а в реанимационную. Будто я не понял, что реаниматоры, которых вызвал Толян (А.В. Федотов — личный врач Высоцкого) приезжали сюда (на Малую Грузинскую), чтоб “прощупать” меня?

Г. А зачем “скорая” недавно приезжала к тебе в театр?

В. Да так: знакомая бригада заезжала в картишки сыграть, новый анекдот рассказать и заодно посмотреть спектакль.

Г. Значит — это не тебе они сделали укол? А люди говорят...

В. (входит в раж). Что вы все от меня хотите, что вы ко мне пристали, а? Что я вам такого сделал? Прекратите эти ваши дурацкие выходки, которые, чтоб не сказать больше, меня просто-напросто выводят из себя! Я ничем не страдаю, я здоров. Просто мы — актеры — не можем, видимо, всегда быть в отличной форме. Даже на солнце и луну находят затмения, видимо, и мы — актеры

— не лишены таких же затмений! Что я хочу? Хотел бы стать — мысль дерзкая! — 18—19-летним, так сказать, оздоровиться и омолодиться святым обманом! Но при условии сегодняшнего опыта и знаний.

Г. К сожалению, регрессии в возрасте не бывает, разве что в человеческом сознании.

В. Жаль, что не всегда бывает, как хочется, а выходит, как может. И все-таки хочется выцыганить у жизни два-три-четыре сносных года, хочется о душе позаботиться, хочется написать несколько приличных вещей, которые могу написать только я и никто другой!

Г. (натягиваю и без того слишком напряженную струну нашего разговора). Много ли шансов у тебя выжить?

В. (трет мочку уха). Никаких. Собственно, ни у одного человека нет шансов. И каждый это знает. Потому-то люди и разводят бодягу с загробной жизнью. Нет, говорю тебе, у меня нет ни малейших шансов, и поскольку никто не подготовил меня к этому, я боюсь... Особенно боюсь — это, если я сдохну — за... Ксюху (Оксана Афанасьева — студентка Текстильного института, теперь — художник по костюму и жена известного шоумена и актера Леонида Ярмольника). Я же ей и отец, и любовник, и ангел-хранитель... Мне нужно как можно дольше продержаться под своим крылом Ксюху. Это моя обязанность... Потом? Не знаю, существует ли это потом... Во всяком случае — мои обязанности перед ней отнимут у меня довольно много времени, а когда ты занят, то страх, болезнь и даже смерть отступают...

Г. Складывается такое впечатление, что ты влюбился, как впервые, в эту малолетку.

В. Не столько впервые, сколько заново. А ведь я, старик, был уверен, что со мной уже это не произойдет, так нет — произошло. Не даром же говорят: кого минует в двадцать, того настигнет в семьдесят. Конечно, двадцать два года — это порядочная разница в возрасте, но ничего, как-нибудь переживу это.

Г. Переживешь, безусловно. Через каких-то тридцать лохматых лет она будет пенсионеркой и тогда эта разница станет совсем незаметной.

В. Спасибо, утешил.

Г. Любовь к Оксане, к родителям, к детям, к жене...

В. (подпускает). Любовь к партии, к генсеку...

Г. ... идентична?

В. Должен признаться, что я люблю, разумеется, своих родителей, но — иначе (кто осудит меня за это? кто?): мне достаточно знать, что они живы - здоровы, и сегодня я боюсь, как бы они не умерли раньше меня, чтобы не пришлось оплакивать их. Нет, моя любовь к Ксюхе — другая. Эта любовь, скажем, "опасная", скажем, даже... "роковая" (Боже, какой ужас, какие слова!), а если она не "опасная", не "роковая" — значит, просто какая-то хворь из Гонконга. Она подтачивает мои силы, а я даже не пытаюсь сопротивляться. Эта любовь, как говорят, мне противопоказана. Но мы продолжаем любить тайком, воровски, блуждать в извилинах нашего чувства, болеть собой, болеть любовью, иногда даже не бывшей нашей любовью, а чьей-то чужой, только проявлявшей себя в нас. И если эта любовь будет продолжаться, какая бы она там ни была — искренняя и реальная или лживая, покалеченная и грешная, — мы оба свихнемся. И от правды и от кривды. Право, ума не приложу, как все это квалифицировать и выразить.

Г. Просто не верится, что ты можешь до сумасшествия любить малолетку. А сыновья?!

В. Любовь к Ксюхе несравнима с любовью к сыновьям — более сдержанной, дозированной, мужской... (Пауза.) Так получилось, что я бросил их в дошкольной возрасте... И они до гробовой доски мне — и поделом! — этого не простят. Они будут враждебно смотреть на Ксюху —

их ровесницу! — хотя я не ради нее оставил их. Все равно они будут к ней враждебно относиться, потому что она занимает место их матери. И будут к ней враждебно относиться, даже если я буду счастлив, именно поэтому, что я буду счастлив — но не с Люсиком (Людмила Абрамова — актриса, вторая жена Высоцкого). Все-таки я должен быть ей благодарен за то, что не она ушла, не она отказалась от меня. Так что они в любом случае будут враждебно относиться — так и надо мне! — к моему счастью... И никогда они не примирятся с тем, что я нашел другую женщину, и для нее найдут оскорбления, потому что она без вины виноватая, в то время как их мать была святой, и я, покинув ее, сделал их идолопоклонниками, единственной религией которых стала мать... Теперь они юноши, и я никогда уже не буду менять им пеленки... Как-то странно, что все это я говорю тебе...

Г. Не вижу ничего странного: когда любовь к кому-нибудь превращается в обожание, достигая пика и делаясь безграничной, тогда остро ощущается необходимость поделиться ею и с другими...

В. Поверь, старик, я это делаю не из хвастовства, а из желания расширить ее пространство, наполнить ее воздухом и влагой — это своего рода жажда.

Г. Любовь, ограниченная рамками отношений между двумя людьми, как бы ни была сильна, со временем увянет.

В. Только при одном условии любовь может быть вечной — когда хотя бы один из любящих обладает такой силой воображения и ума, которые в состоянии оживить и придать красок вакууму. Такой любви не нужны свидетели, она питается собственными соками.

Г. Еще одно хочу понять: почему изменилось твое отношение к Марине?

В. (слова катятся медленно и ясно, будто слезы). Я никогда не говорил тебе, так что ты легко поймешь, насколько тяжело мне делать именно сейчас, когда приходится говорить о похоронах, на которых я являюсь одновременно и зрителем, и главным героем. И не сказал бы тебе то, что услышишь теперь, если бы ты сам не спросил. Ты и прочие спрашиваете меня, почему изменилось мое отношение к Марине, с тем упрямством, с которым на похоронах обсуждают почему, от чего умер покойник, как будто не все равно — умер ли он от рака, от воспаления легких, или его переехала машина. Мы не привыкли принимать явления сами по себе, мы всегда хотим знать “почему?”. Если покойный заслуживает, чтобы его оплакивали, — оплакивай, от чего бы он ни умер. Старик, суди обо мне, как хочешь, — продолжаю отвечать на твой вопрос, — но чувств штамп в паспорте заменить не может. Последнее время меня так и подмывает легализовать нашу тайную любовь, чтобы спровоцировать Марину. Я чувствую себя вроде тех ребят, которые, сознавая свои проступки, не могут успокоиться, пока не будут наказаны.

Г. Ты же Влади любил!

В. По глупости!

Г. Значит, ты признаешь, что любил ее?

В. В том-то и штука, что ее — суку! — даже и сейчас люблю, но, конечно, не так, как Ксюху. Правда, было бы несправедливо не признать, что Марина все-таки баба красивая, умная и добрая... примитивной добротой, но характер — просто катастрофа!

Г. Ну уж и катастрофа?

В. (сочтя определение очень верным). Катастрофа! Она меня затерроризировала слепой, животной ревностью созревшей самки — хотя сама не промах. Частнособственнические замашки у нее проявляются буквально во всем: в единовластии, в навязывании своей кочки зрения, в стремлении овладеть моим сознанием, изгнать из него все остальные образы, захватить, заполнить его целиком. Подумай только — на что баба ум свой тратит!

Г. Откровенно говоря, я представлял себе Марину совсем не такой...

В. Какой?

Г. Как тебе сказать? Мне казалось, что она, извини, возбуждает, как препарат тосторон, а она действует, оказывается, как снотворная таблетка. Хотя ее можно понять: все это у нее от желания быть единственной — единственной во всем. Вот только можно ли достичь недостижимого?

В. Значит так: ей не удастся изгнать образ Ксюхи из моего сознания. На свете есть кое-что еще, внутренний мой мир гораздо шире, чем единственное предложенное ему мерило, поэтому, естественно, ни со мной, ни с другими ее мужьями у нее не могло продолжаться долго. К несчастью, от этого недуга ее не излечил даже возраст... (Последующее плохо прослушивается). Но я говорил об истине. Так вот: Марина не способна принять истину, ее не устраивающую. А поскольку не все истины могут устраивать, она имеет талант их ставить с ног на голову... Свои поражения постоянно приписывает другим, она не ошибалась, не сомневалась, не проигрывала, а только другие... Таким образом мои незначительные ссоры с ней приобретают размеры европейские, даже вселенские...

Г. Я слабо понимаю, о чем речь...

В. Конкретизировать? Ну, хотя бы о моем несогласии переехать насовсем во Францию... Может, ничего бы и не произошло — если бы я отказался от своего театра и переехал к ней: просто муж и менестрель... Но я не согласился, мне, привычному к внутренней свободе, трудно жить в клетке, пусть даже золотой... Спустя несколько лет “челночных” рейсов и упреков я намекнул ей, что ради тех двух месяцев в году, когда мы действительно вместе, не стоит цепляться за связывающую нас формальность...

Г. Неужели Оксана так хороша собой, что ради нее ты готов расстаться с Мариной?

В. О Ксюхе я больше не буду распространяться, потому что, как правило, стоит только сообщить некоторые подробности о красивой девушке, как сразу же у тебя, гадик, появляется желание поскорей познакомиться с ней и чего доброго даже трахнуть ее, что не совсем порядочно с твоей стороны.

Г. А по отношению к Марине ты поступаешь порядочно?! Неужто все так непоправимо?

В. Теперь уж ничего невозможно вернуть, как невозможно вернуть гроб, въехавший в кладбищенские ворота. Мы с Ксюхой... но это между нами... решили венчаться в церкви (намеченное венчание не успеет состояться). Поставим на этом точку, пока я тебя не послал на хуй.

ГОРСКИЙ. В какой-то легенде говорится, что одна смерть справедлива ко всем. Ты с этим согласен?

ВЫСОЦКИЙ. Смерть в принципе несправедлива: чаще и раньше других умирают добрые и честные люди. Может, это потому, что сон подлеца спокоен. Бессонница — удел людей хороших и совестливых. А смерть вступила со временем в несправедливый по отношению к ним сговор. Изменить тут мы что-либо не в силах. Нам, как и всем честным и добрым людям, остается, как говорит Мишка (М. М. Шемякин — художник, график и скульптор, близкий друг Высоцкого), бессонница и живая совесть. А разве сон эгоистов не равносителен смерти?

Г. Мне интересно: твое ФИО фигурирует в каком-нибудь энциклопедическом издании?

В. Нет. Зато фигурирует в списке должников за квартплату. Долг составляет — не падай в обморок, старик! — пятьсот рублей без пени. “А где мне их взять? Воровать прикажите?” — спросил я бухгалтера нашего кооператива как-то. А она вместо того, чтобы указать источник, где взять деньги, ка-ак набросится на меня: “Из-за вас и вам подобных меня премии лишат. Если вы не погасите задолженность в трехдневный срок, то мы будем вынуждены отключить у вас свет”. Анекдот в тему: “Из ЖЭКа рейсханцелярии приходит извещение: “Штирлиц, если

не уплатите за свет, отключим рацию". Понимаешь: у меня, быть может, нет даже пятака на метро, но есть находчивость: буду писать стихи при свечах, как Пушкин. Утюг и без того не работает. Вот уже несколько лет хожу в мятых, словно гармошка, брюках. Но это к слову.

Г. А ты бы, Вова, хотел, чтобы твои творческо-биографические данные фигурировали в какой-нибудь энциклопедии?

В. Только в Британской — ибо англичане считают, что лишь тот по-настоящему знаменит, кто удостоился внимания их энциклопедии.

Г. Чем же тебя не устраивает Большая Советская Энциклопедия?

В. Лет двадцать пять тому назад печаталась БСЭ. Дошли до буквы "И". В статье-справке об Ильфе и Петрове было сказано: "Реакционные писатели-декаденты, клеветующие..." и прочее. По истечении положенного срока дошли до буквы "П". И в статье-справке о писателях Петрове и Ильфе говорилось: "Петров и Ильф. Выдающиеся писатели-сатирики, создавшие бессмертные произведения..." и тому подобное...

Г. Все это похоже на анекдот.

В. Вот поэтому меня и не устраивает БСЭ.

Г. Какая эпитафия тебя бы устроила на собственной могильной плите?

В. Ну, не такая, даже ради хохмы, как в том анекдоте...

Г. Я его знаю?

В. Не знаю. В свой предсмертный час врач попросил жену обязательно поставить на его могиле памятник с надписью. Жена, решив сэкономить, пришпандорила к могильной плите табличку с двери его кабинета: "Доктор Никитин И. И. Прием больных с 9 до 13 часов". Для моего памятника подошел бы лаконичный призыв: "Выпейте за меня!" Но мне и этого многовато. Достаточно будет обрывков нервов и гитарных струн, брошенных на мою могильную плиту, и мое самолюбие было бы удовлетворено таким надгробием (эту реплику произносит каким-то новым тоном — тоном, который невозможно ни описать, ни воспроизвести).

17 июня. Высоцкий заехал домой к Юрию Любимову, чтобы предупредить его о своем отсутствии в театре (завтра начинались гастролы в Калининграде, бывшем Кенигсберге). А тот в те часы был болен — у него поднялась сильная температура. А жена с детьми были в Венгрии. Увидев, в каком состоянии режиссер, да еще один дома и без лекарств, Высоцкий задержался в Москве. Съездил к знакомым врачам и привез Любимову сильный антибиотик.

18 – 22 июня. Концерты в Калининградской области, в Калининграде.
В Калининград Высоцкий прилетел в 10.40 утра вместе с Гольдманом. Поселился в гостинице "Калининград", в трёхкомнатном люксе. По ночам с Высоцким в номере дежурят его администраторы. С 18 на 19 дежурил Гольдман, с 19 на 20 — Тамразов, с 20 на 21 — Конторов, с 21 на 22 — Гольдман, с 22 на 23 — все трое были у Высоцкого.

18 июня. Выступления Высоцкого в кинотеатре "Россия" (областной Калининград, ул. профессора Баранова, д. 2) в 13.30, 16.00, 18.30, 21.00 и во дворце спорта "Юность" (областной Калининград, Прибрежная ул. д.2) в 20.00.

Дм. Шмаков: "Я был на концерте ВВ в Калининграде во дворце спорта "Юность" в один из первых дней. После концерта народ понес его на руках вместе с "Волгой".

Самыми напряжёнными выдались 18 и 19 июня. В те дни было по пять выступлений

19 июня. Выступления Высоцкого в кинотеатре "Россия" в 13.30, 16.00, 18.30, 21.00 и во дворце спорта "Юность" в 20.00.

Трудовое соглашение между Высоцким и Калининградской филармонией на 14 выступлений Высоцкого во Дворце спорта "Юность" и 8 выступлений в кинотеатре "Россия". Итоговая сумма оплаты за выступления за вычетом подоходного налога – 781 рубль 26 копеек.

20 июня. Выступления Высоцкого во дворце спорта "Юность" в 13.30, 16.00, 18.30, 21.00.

Высоцкому выписываются наркотические препараты из Калининградской областной психиатрической больницы. Запись в истории болезни: "20/VI-80 г. Больной приехал в Калининград со своей новой программой. Жалуется на сильные боли в правом подреберьи. Осмотрен врачом-хирургом Свистуновым, установлен диагноз: цирроз печени. В связи с выраженными болями в области печени рекомендован промедол или омнопон по 1мл. в/м 2 раза в день. /Подпись/. Выделить 8 ампул промедола. /Подпись/. 20 VI 80 Выдано секретарю директора гостиницы „Калининград“ четыре ампулы промедола, три ампулы омнопона. В. Серова".

Из письма А.А. Ткаченко В.В. Тучину от 24.04.90 г.: "Когда я отдавала ваше письмо Алле Андреевне, я спросила, будет ли она отвечать, на что она сказала: „Ну, что я могу ему написать? Как его кололи перед выходом на сцену, потому что без этого он уже не мог петь? Или как он каждый раз бабу на ночь требовал, чтобы..." (не хочу повторять). Больше я её не спрашивала".

21 июня. Суббота. Выступления Высоцкого во дворце спорта «Юность» в 13.30, 16.00, 18.30, 21.00.

22 июня. Выступления Высоцкого в ДС "Юность" в 13.30, 16.00, 18.30, 21.00.

На последнем концерте он не пел, читал монолог "Гамлета", стихотворение "Когда на смерть идут – поют"... Из-за некорректной записки из зала, не окончив выступление, ушёл со сцены. Начало концерта было в 21 час, Высоцкий был на сцене минут 20-25.

Июнь. Во время выступлений в Калининграде с ним познакомилась Марина, жена врача, которая доставала ему «лекарство». ВВ пригласил ее в Москву, обещая устроить ей прослушивание и карьеру певицы. Но когда она приехала, он отказался с ней встречаться на дому, но встреча все-таки состоялась на нейтральной территории — она ему передала «лекарство». Оксане Афанасьевой донесут, что у Высоцкого с этой Мариной в Калининграде был роман. Оксана выскажет возлюбленному все, что она о нем думает. Но Высоцкий сумеет убедить ее, что никакого романа не было и в помине.

23 июня. Понедельник. Утром Высоцкий вылетел в Москву, заработав на концертах 6 тысяч рублей. В тот же день из Франции пришло горестное сообщение – умерла сестра Марины Влади Одиль Версуа. Влади попросила мужа приехать на похороны. Он пообещал. Купил билет, но перед самым отлетом передумал. Испугался новых выяснений отношений с женой. Влади на него тогда очень сильно обиделась. И. Бортник: "Это Володя продлил ей жизнь (сестре Влади), много лет он возил ей мумие..."

26 июня. Пишет заявление в ОВИР с просьбой выдать визу во Францию на 60 суток с 1-го июля.

29 июня. «Гамлет» - 20:00.

30 июня. Домашний концерт в Московской области, на Пахре, у А. Вайнера.

В 20 час. 54 мин. получена телеграмма из Парижа: «В связи со смертью сестры прошу срочно приехать в Париж. Целую, Марина».

Июнь. «Опять на сон грядущий мне явилась...»; «Как зайдешь в бистро-столовку...»; «И снизу лед, и сверху. Маюсь между...» (М. Влади); «Шел я, брел я, наступал то с пятки, то с носка...» (Грусть моя, тоска моя).

1 – 3 июля. На ТВ премьера к/ф «Маленькие трагедии».

3 июля. Концерты в Московской области: в Люберцах и Лыткарино. Последние концерты Высоцкого

4 июля. «Преступление и наказание» - 20:00.

Высоцкий должен был улететь к Вадиму Туманову, чтобы предпринять еще одну попытку «соскочить». На вертолете в глухую тайгу, на берег реки, забросили дом, приготовили пищу. На крайний случай заготовили ящик шампанского. Короче, все было на «мази», и дело было за малым – Высоцкому надо было прилететь. Но он сорвался. Ночью перед отлетом стал требовать у друзей наркотики, а когда те отказали, отправился за ними сам. Вернулся уже с пустой ампулой. А утром устроил в доме новый скандал, требуя очередную дозу. Вел себя безобразно: швырял книги, перевернул вещи вверх дном в поисках наркотика. И лететь к Туманову отказался.

7 июля. Предпринята вторая попытка улететь к Туманову, но и она не состоится – Высоцкий специально опоздает на самолет.

Записка Янкловичу:

«Дорогой мой друг Валерка! Если бы тебя не было на этой земле — нечего бы мне было на ней горло драть. Вдруг улечу сегодня. Посему целую, а уж про преданность и говорить не стоит. Будь счастлив. Высоцкий».

Аркадий Высоцкий: «К концу жизни рядом с отцом было мало хороших людей. Много — корыстных, которые крутились вокруг, таких, как, например, Янклович, который теперь делает деньги на этом знакомстве».

В. Янклович, регулярно поставлявший «лекарства»: «Если бы кто-нибудь видел его в этом состоянии... Сам Господь Бог так не просил, как он мог просить! Он так мог сыграть это дело, что нормальный человек отказать ему бы не смог никогда!».

Владимир Шехтман становится одним из самых доверенных и выполняет обязанности личного шофера, пока «мерседесы» Высоцкого в ремонте. Из медперсонала Высоцкий полностью доверяет Анатолию Федотову и Игорю Годяеву. Они почти каждый день бывают у него дома. Из близких женщин — одна Оксана.

Дружба с Годяевым началась еще летом 69-го при трагических обстоятельствах, когда у Высоцкого было сильное горловое кровотечение. С того времени Игорь часто принимал участие при «вытаскивании» Владимира из глубоких «уходов в пике», а когда водку заменили наркотики, стал одним из главных «доставал лекарства».

8 – 9 июля. Высоцкий вроде бы пришел в норму: не пил, наркотики не требовал.

10 июля. Умирает актер Театра на Таганке Олег Колокольников, с которым Высоцкий когда-то дружил, даже снимался в одном телефильме – «Комната» (в середине 60-х). И Высоцкий вновь «развязывает». Как вспоминает О. Афанасьева: «Володе важен был повод „развязать“». Нужна была какая-то определенная причина. Ведь в последние годы они с Колокольниковым практически не виделись... И снова – и шампанское, и водка... С этого времени наркотиков уже не было...».

11 июля. В. Золотухин: «Высоцкий мечется в горячке, 24 часа в сутки орет диким голосом, за квартал слышать. Так страшно, говорят очевидцы, не было еще у него. Врачи отказываются брать, а если брать — в психиатрическую; переругались между собой».

В. Нисанов: «Золотухина Высоцкий вообще терпеть не мог. «Я этому пиздюку сказал: «Если где меня увидишь — обходи стороной!»».

12 июля. Высоцкий везет Оксану Афанасьеву в ювелирный магазин «Самоцветы» на Арбате, где они покупают обручальные кольца.

«Преступление и наказание» - 20:00. Сыграна ВВ последний раз. Роль Свидригайлова была сыграна Высоцким 35 раз.

Высоцкий не хотел выходить на сцену, за несколько дней до спектакля был у Любимова, но тот уговорил под предлогом того, что на спектакль придет японская делегация. Отыграл спектакль Высоцкий только благодаря наркотикам, которые привез ему кто-то из друзей из Склифа. То же самое произошло и на следующий день, когда Высоцкий играл 217-го «Гамлета».

13 июля. «Гамлет» - 20:00.

А. Демидова: «Володя убежал со сцены – пил, кололся. Был его врач, и потом приехала скорая помощь. Было душно. В сцене с Гертрудой занавес зацепил гроб – я поехала и очутилась лицом к призраку. Мы это хорошо обыграли. После антракта о чём-то поговорили. Об уколе, плохом самочувствии и т.д. Володя был добр, но от него пахло спиртом, хотя он не выглядел пьяным. Во время спектакля очень часто забывал слова. У нас, в конце первого акта: "Вам надо исповедаться..." дальше забыл, тихо спросил меня "как дальше", я подсказала – он продолжал. В антракте перебросились, что неплохо».

В. Смехов: «„Гамлет“. Володе худо. Нога, сердце, возбуждён, врачи да янкловичи. Шприц – даже посреди „Мышеловки“. С А. Демидовой перекинулись словами: мол, болен, а играет как то славно... Володя попросил требовательно „Аврору“ – себе. Я подарил. При Хмельницком. Вдруг занёс ручку и задумался. Написал как и думал всегда: о том, что нам повезло жить с ним рядышком. И, мол, это – бумажный выстрел „Авроры“, а я – постараюсь лучше... Володя прочёл и – совсем не по своему – грустно глянул на меня и сказал: „Спасибо, очень тронул“».

(В пятом номере журнала "Аврора" за 1980 г. была напечатана статья В. Смехова "Мои товарищи – артисты", одна из глав посвящена Высоцкому).

14 июля. Концерт в Москве, в НИИ эпидемиологии и микробиологии имени Габричевского (МНИИЭМ). Сумма гонорара – 400 рублей.

16 июля. Последний концерт Высоцкого в Подлипках в подмосковном Калининграде (ныне - Королев) для работников Центра управления полетами.

18 июля. Утром к Высоцкому приезжает сценарист Игорь Шевцов, чтобы обсудить все ту же тему – будущую работу над фильмом «Зеленый фургон» («Экран» к тому времени уже утвердил Высоцкого в качестве режиссера картины). Но Высоцкий убивает Шевцова заявлением, что фильм снимать не будет.

Последний (220-й) «Гамлет» - 20:00.

А. Демидова: «Володя был внешне спокоен. Не так возбуждён. Был сосредоточен. Хотя в "Мышеловке" опять ушёл со сцены, но вовремя вбежал на сцену к реплике. Нашу сцену играли хорошо. В конце спектакля все очень устали. Жарко. Душно. Я всё время выходила на улицу. Петух. Перед последней сценой сидели за кулисами – шутили. Когда кланялись – я: "слабо сыграть ещё раз". Посмеялись. Володя остро посмотрел на меня "говоришь, слабо ещё раз?" Ну что ж, мол, – давай!».

В. Смехов: «„Гамлет“ тот же. Снова нездоровье и нервняк принца. Но – очень хорошие глаза и руки. О моём разводе и новой жизни. „Всё знаю, Выминиаминыч, и этого давно ждал. И про Аллу (первая жена В. Смехова), и что будет тебе много от неё такого – в общем, то, что мы о ней знали давно, тебе предстоит узнать...” В антракте – немецкое пиво... об алкоголе меж нами издавна табу, а тут – „на, Веня, ты без машины, выпей за меня"... как то легко так, что я, ни слова ни сказав, взял и выпил. А он слил пиво из холодной и тёплой бутылок – и ещё из того же стакана – и я, и он... так мы и попрощались».

И. Петров (актер ТНТ): «Я играл Розенкранца... У нас до финальной сцены было всегда минут сорок, и мы с Володей всегда трепались на разные темы, благо в гримёрной мы сидели только вдвоём и могли говорить о чём угодно. В этот раз Володя рассказал, что был сегодня на рынке, купил всякую зелень, заплатил восемьдесят рублей. "Буду на даче делать грядки и всё сажать сам". Я сказал, что советом помогу обязательно, потому что хотел быть агрономом и хотел поступать в Тимирязевку, но поступил в Щукинское училище и в сельском хозяйстве разбираюсь по сей день.

Отыграли спектакль, после спектакля всегда под раковиной обмывались, и я обратил внимание, что у Володи всегда очень накаченные мышцы, а здесь вся кожа на теле просто висела, как у столетнего старика».

19 июля. Смотрел открытие Олимпиады, был Никита (сын), очень людно дома.

20 июля. Рано утром на Малую Грузинскую приехал старший сын — Аркадий. К этому времени он закончил сдавать вступительные экзамены в МИФИ и боялся, что не пройдет по конкурсу. Хотел посоветоваться с отцом о том, что делать дальше. Но тот был в «плохой форме» и он понял, что ему не до его проблем. Однако отец взял гитару и спел две новые песни.

Вечером, Высоцкого навещал Говорухин. С января они были в ссоре, после того как Высоцкий не приехал на «Кинопанораму», но теперь помирились. Высоцкий уже оклемался, был в хорошем расположении духа, и они проговорили в течение нескольких часов.

21 июля. Высоцкий почти весь день безвылазно провел дома. Вечером отправился в театр, где должен был играть в «Преступлении и наказании», но на сцену не вышел — уговорил Любимова его заменить. Из театра он заехал к Ивану Бортнику. Совместная пьянка.

22 июля. Днём ездил к Бортнику за оставленной машиной. Заехал в ОВИР, где получил загранпаспорт. Оттуда он поехал в авиакасса и приобрел билет до Парижа на 29 июля. Еще он заехал в аптеку, где у него работали знакомые, и выпросил у них несколько ампул «лекарства». Только на них и держался.

Днем на короткое время забежал А. Штурмин — принес пропуска в Олимпийскую деревню на 25 июля для Высоцкого и Янкловича.

Вечером ВВ позвонил Влади и сообщил дату своего приезда.

Поздно вечером вместе с Оксаной едут в ресторан ВТО.

А. Бальчев: «Володя был в плохой форме. Он приехал около одиннадцати. Мы сели за один столик, начали что-то есть... Как назло, в ресторане тогда царила невероятно пьяная атмосфера. Наш столик сразу окружили какие-то люди. Все хотели выпить с Володей. Я разгонял народ как мог. Когда мы вышли на улицу, Высоцкий был уже изрядно подвыпивший и попросил меня довести его до дома. С нами поехали тогда актер Владимир Дружников и Оксана Афанасьева. Из ресторана я прихватил с собой бутылку водки. Володя буквально вырвал ее из моих рук: „Я должен угостить Дружникова, сам пить не буду“.

«Проведение акции по устранению Высоцкого было доверено врачу Федотову, которого завербовали за некоторое время до этого. Сломали Федотова на наркотиках, которые он доставал не только для Владимира Семеновича, но и для многих других. Федотова в данном случае использовали как агента, но «втемную». Ему сказали: Высоцкий нужен стране, он нуждается в контроле, наши врачи будут вас консультировать и вы будете строго придерживаться их рекомендаций. Иначе садитесь за наркотики на всю катушку и из тюрьмы живым не выйдете, вы же не дурак».

«Председатель КГБ СССР Генерал армии Андропов Ю. В. 22 июля 1980 г.

Тов. Дроздову Ю. И.

Высоцкий планирует выехать во Францию в конце июля сего года, где он намерен остаться на длительное время. Решение по проведению его нейтрализации принять до выезда.

Андропов Ю. В.

ПЛАН агентурно-оперативных мероприятий по ликвидации Высоцкого В. С.

Отработать задание агенту «Федору» — Федотову Анатолию Павловичу, врачу-реаниматологу, по проведению нейтрализации Высоцкого В. С. 23 июля 1980 г. План устранения предусматривает применение снотворных препаратов хлоралгидрат и морфин, которые будут введены объекту в ночное время после употребления алкоголя. Заключение судебно-медицинской экспертизы подтвердит диагноз инфаркта миокарда.

В первоначальных планах устранение Высоцкого было запланировано на 23 июля, но сорвалось. Почему?

23 июля. Утром 23 июля Федотов и Янкович заехали в Институт имени Склифосовского, где Федотов попросил у врача Леонида Сульповара хлоралгидрат для Высоцкого (получение препарата легальным путем должно было обеспечить алиби Федотову). Это довольно токсичное лекарство назначают при перевозбуждениях, однако оно противопоказано больным с нарушениями функций печени и почек, а также при заболеваниях сердечно-сосудистой системы. У Высоцкого эти болезни были. Вот почему Сульповар и его коллега С. Щербаков поначалу отказались выдавать лекарство. Однако просителям удалось-таки их уговорить, поскольку их все знали, как лучших друзей Высоцкого. Ведь никто не мог предположить, что они хотят сознательно навредить больному!

Ночью 23 июля Высоцкий должен был замолчать навсегда, но этого не случилось. Операция была сорвана по причине, не зависящей от разработчиков акции.

Сосед Высоцкого по подъезду Валерий Нисанов (он жил двумя этажами выше — на десятом) тоже не доверял Федотову. Поэтому вечером 23 июля он позвонил все тому же врачу Склифа Л. Сульповару и попросил его приехать к Высоцкому. Тот согласился и взял с собой еще и Станислава Щербакова. Именно эти двое и предотвратили в тот день убийство Высоцкого.

По задумке разработчиков акции, Федотов должен был накачать Высоцкого хлоралгидратом и оставить одного. После чего врач должен был лечь спать, чтобы обеспечить себе алиби на момент смерти больного: дескать, все произошло без его ведома. А подтвердить это должен был свидетель — Оксана Афанасьева (та самая девушка, которая открыла неожиданным гостям дверь). Именно такая ситуация и произойдет два дня спустя, когда Высоцкий все же умрет.

Врачебный консилиум пришел к мнению, что Высоцкого в тот день забирать не стоит, а надо это сделать утром 25 июля. Больного предполагалось отвезти в Склиф и там лечить в течение нескольких дней.

Почему же двое врачей не смогли справиться с Федотовым и не уговорили его немедленно увезти Высоцкого подальше от дома, где его поджидала верная смерть? Объяснение находим у того же С. Щербакова: «Я тогда сказал все и, по-моему, в достаточно грубой форме...

Мне тогда не очень понравилась его (Л. Сульповара) позиция,— он немного пошел на поводу у Федотова».

Щербаков остался в одиночестве в том споре и судьба Высоцкого была предрешена.

Ночевал в квартире Янкович. Звонок Барбары из Италии (слышит стоны Высоцкого).

24 июля. Ю. Емельянов: «В тот день я был у него до часу ночи...

Был там Толя Федотов, Валерка Янкович, был Сева, Вадим (Туманов) был, но он ушел вместе со мной. Мы приехали все поддатые, веселые... Володя спел пару песен. Знаете, мы его никогда не просили петь, он не любил, чтобы его просили. Он вдруг сам, ни с того, ни с сего, брал гитару

и пел. Это возникало спонтанно... Он сам высовывался со своими предложениями по этому поводу и не принимал чужих рекомендаций и просьб. А вот когда подходило у него, приперало, он говорил: "Так, спою чего-то новое сейчас или прокатаю новую песню..." А мы уже знали все эти механизмы у него и сами не просили петь.

Так вот, он спел пару песен, сейчас уже не помню, какие. Еще Вадим говорил: "Володя, ну что ты орешь, как сумасшедший, как резанный, мы же здесь рядом все?!"

- А я иначе не могу? - и пошел... Орет, а мы рядом кружком сидим возле дивана, у нас перепонки лопаются... Спел он пару песен и еще в кайф вошел, он до этого укололся, видимо... Потом после песен он стал требовать выпить. Схитрил. Он, действительно, был парень с хитрецей. Сходил на кухню, потом скользнул мимо нас сразу в дверь и наверх. А там, по-моему, художник Налбандян (Нисанов) жил или кто-то другой, где он всегда водку добывал, но уже и там не оказалось.

Он говорит: - Ну, могут друзья мои съездить, достать мне водки, мне хочется выпить"

Никто не смог достать... Володя вроде бы затих. Затих, смирившись с обстановкой, что нигде ничего не достанешь, ну куда же - час ночи... Я поднялся, мне было неудобно, пора уже было уходить. Вадим - со мной, мы взяли машину и уехали...

Состояние Володи осталось какое-то непонятное, вроде бы он смирился. Но это было какое-то, как бы временное затишье перед невозможностью выполнить то, что хочешь... Он затих и, как был в костюме, так и прилег на тахту».

Вечером дома с Высоцким были мать, Абдулов, Янкович и Оксана, после шести приехал Федотов. В 10 часов ушла Нина Максимовна. Владимир проводил ее до дверей, попытался успокоить: «Мамочка, все будет хорошо...». В 11 ушел Абдулов. После их ухода поведение Высоцкого стало беспокойным: он стал метаться, бегать по квартире, кричал, опрокидывал стулья... А этажом ниже обитала семья известного уролога Е. Мазо. Они звонили несколько раз по телефону и требовали уговориться, т. к. завтра предстояла сложная операция. Янкович предложил связать беспокойно метавшегося Владимира.

Э. Володарский: «Он ведь тогда рвался убежать из дома. Они его поймали между вторым и третьим этажом, догнали, там драка была. Они его избили, затащили обратно. Мне многие люди говорили, что в Москве в это время открыли пункты скорой наркологической помощи. Несколько десятков пунктов по Москве. Туда наркоман являлся в полном отчаянии, если он нигде не мог достать наркотики. И ему там говорили: «Сейчас поможем, сейчас все сделаем, сейчас все вколем, только скажи, где раньше брал». И Володя бы их заложил за милую душу. Потому что муки, которые, наверное, человек при этом испытывает, такие, что никакое похмелье с этим не сравнится. Они боялись, что их посадят. Вот чего они боялись!».

Оксана: «От него все, действительно, устали... Янкович с Федотовым взяли и привязали его простынями... Ну, как привязали... Прибинтовали простынями к узкой тахте, чтобы он не рвался».

Почти в полночь пришел Аркадий Высоцкий. В этот день у него было собеседование в институте, и ему объявили, что он не поступил. Сын пришел посоветоваться с отцом по этому поводу. Дверь открыл Янкович, и Аркадий успел увидеть отца в глубине коридора... Хотел войти, но Янкович настойчиво вытеснил его на лестничную площадку.

Аркадий Высоцкий: «Янкович откровенно говорил, что отец колется, он не считал нужным от меня это скрывать... Минут десять мы постояли... Он сказал, чтобы я не волновался... Чтобы спокойно шел домой, а утром позвонил».

В. Нисанов: «Двадцать четвертое... Вечером мы сидели у меня (он жил на два этажа выше квартиры Высоцкого — на 10-м), примерно до половины первого ночи. Потом спустились вниз, я их оставил, поднялся к себе. По-моему, все разошлись... Я так понял, что Янкович уехал домой. Примерно в два часа ночи позвонил Федотов: «Принеси немного шампанского. Володе нужно». Я принес шампанское и ушел спать».

25 июля. Около часа ночи к своей подруге уехал Янкович. Остались втроем: Высоцкий, Федотов и Оксана. Высоцкий ходил по комнате, спать не ложился. Все вместе поднялись к Нисанову,

просидели там почти до двух часов и вернулись к себе. Через полчаса Нисанову позвонил Федотов, попросил принести шампанское для Высоцкого. Нисанов спустился и увидел, что Высоцкий затеял жарить яичницу. Потом он попросил водки. Федотов налил ему и себе: «Я, честно говоря, тоже с ним засадил... Рюмочку. Но я же измотанный, уставший — слабость...».

Т. Гладков (сосед Высоцкого по лестничной площадке): «Наступает ночь 25 июля... Люди, которые были при Володиной кончине, потом говорили, что он умер тихо и мирно во сне. Это не так... Было жаркое лето, окна открыты... Слышу — Володя буйствует. Потом смотрю — он выбегает на лестничную площадку, а его компания, эти сукины дети — тот самый мастер восточных единоборств с нунчаками (А. Иншаков) да еще фельдшер Игорек (Годяев), его скручивают и снова затапливают в квартиру. Ему надо было просто налить полстакана водки. А они его привязывали к дивану — на руках даже кожа была ободрана... Опять слышу шум — компания выводит в лифт бесчувственную Оксану... Ее почти в бессознательном состоянии выносили его дружки... Мне стало не по себе. Володя уже не кричит, во дворе стоит «скорая». Я вышел на лестничную площадку — там огромный санитар, почему-то, несмотря на жару, в меховой шапке. Я спрашиваю: «С Володей что-то?» Он: «Экзордиус мортале, что по-русски означает смертельный исход».

«Читал интервью соседа Высоцкого, он заявлял, что видел несколько раз в квартире Высоцкого А. Иншакова, он тогда всегда ходил с нунчаками».

«А потом произошло и вовсе странное: из Володиной квартиры вышел один из его друзей-мерзавцев с двумя кейсами в руках! Доказательств у меня никаких нет. Но Марина потом говорила, что пропала их с Володей переписка, проза, кассеты. И еще с Володи была снята цепочка, которую подарил Шемякин. Потом выяснилось, что у одного из этих друзей жена была сотрудницей посольства, американка, она вывезла эти вещи и там их загнали...».

«Мерзавец» — это НАСТОЯЩИЙ друг Высоцкого В. Абдулов.

«Сотрудница посольства, американка...» — гражданка СССР, Наталья Петрова, жена Б. Серуша, актриса и домохозяйка.

Еще один из НАСТОЯЩИХ друзей Туманов потребовал вернуть все, что должен был ему Высоцкий. Вадиму Туманову выплатили 5000 рублей, но затем ему «вспомнилось», что ему 700 рублей недоплатили — и в дом Высоцкого и Влади явился посыльный от него. За недостающей суммой.

Время смерти Владимира Высоцкого точно не установлено. Согласно предположениям Оксаны и Федотова это — 3 часа 30 минут или, 3 часа 40 минут.

Нисанов: «Федотова уже нет в живых (он покончил с собой в 1992 году). Все мои мысли почему-то сводятся к одному — Володя был умерщвлен. Утверждение не категоричное. Прямых доказательств нет. Но все предпосылки говорят именно об этом. Встречаясь с друзьями, откровенно говорю: «Федотов мог убить Володю по заказу моей любимой Родины»... События той ночи развивались так... Я принес Володе шампанское и сразу ушел спать. Как мне потом рассказали, Федотов положил какую-то таблетку в это шампанское. По признанию самого Федотова, якобы это было успокоительное — бром. Что там было на самом деле, никто не знает... Заметим, что все, кого ни пытался лечить Толя, через какое-то время погибали. Это очень настораживало. Такое произошло с сыном Нейгауза — очень выпивающим человеком».

О. Емельяненко: «Толя Федотов пил беспробудно и на похоронах, и на девять дней, и на сорок. Он считал себя виновным в смерти Володи: вроде как он заснул... Ведь Володя настолько верил в него, настолько демонстрировал это и говорил всем, что это его личный врач... Толя Федотов кидался с балкона, и его задержал кто-то. Вроде Валерка Янкович мне говорил, что Федотов был уже на той стороне и что он его за штанину или за пиджак задержал и перетянул. Толя все время пытался оправдаться, вешался на всех, плакал непрерывно. Как только кто чего спросит, так и... Все сорок дней так...».

«Мы имеем дело с постановочным убийством. Последовательность и завершенность всех запланированных операций — очень сильная оперативная особенность КГБ. Конечно, своим заявлением польскому журналисту Высоцкий подписал себе смертный приговор — суперагент КГБ «Виктор», задействованный в сверхсекретных операциях ПГУ, которого планировали вывести на постоянное оседание в США в качестве вербовщика представителей американской элиты, должен был замолчать навсегда. Агенту КГБ, врачу Анатолию Федотову, дали задание ликвидировать Высоцкого, ибо, согласно кодексу разведки, «Он слишком много знал» означает «Он слишком много болтал».

М. Крыжановский: «В ночь с 24 на 25 июля 1980 года Федотов «накачал» жаловавшегося на сильные боли в области сердца Высоцкого хлоралгидратом — снотворным, категорически противопоказанным при имевшихся у Высоцкого заболеваниях сердечно - сосудистой системы, печени и почек».

«УТВЕРЖДАЮ Начальник Управления «С» ПГУ КГБ генерал-майор Дроздов Ю. И. 30 июля 1980 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

о сдаче в архив личного дела № 18675 агента «Виктора»

Я, зам. нач. 8-го отдела Управления «С» ПГУ КГБ, полковник Марченко Л. И., рассмотрев материалы личного и рабочих дел агента «Виктора» — Высоцкого Владимира Семеновича, 1938 г. р., ур. г. Москвы, русским, с высшим образованием, беспартийным, женатым, несудимым, актером Театра драмы и комедии на Таганке, проживающим по адресу г. Москва, ул. Малая Грузинская, д. 28 кв. 30

УСТАНОВИЛ

«Виктор» был завербован и использовался в качестве источника по антисоветчикам и иностранцам 5-м отделом УКГБ по Москве в июле 1968 г.

В 1970 г. женился на французской киноактрисе Марине Влади, в связи с чем был принят на связь 5-м отделом ПГУ КГБ (работа по Франции).

В 1976 г. на базе отдела «В», которым ранее руководил генерал-майор В. М. Владимиров, был создан 8-й отдел, куда в том же году источник был передан на связь.

Высоцкий принимал участие в операциях:

в 1977 г. — по ликвидации А. Галича в Париже;

в 1978 г. — в ликвидации Г. Маркова в Лондоне;

в 1979 г. — в операции «Ватикан».

В 1973–1979 гг. был задействован в операциях по передаче денег функционерам компартий во Франции и Италии, нелегальной транспортировке кокаина и наркотизации США, нелегальной торговле оружием. Планировался вывод «Виктора» на постоянное жительство в США и использование его в качестве вербовщика.

В начале 1980 г. была подтверждена информация о злоупотреблении «Виктором» наркотическими веществами. В дальнейшем болезнь повлекла за собой расстройство психики бывшего агента «Виктора», опасность разоблачения агентурной деятельности с его стороны. 8-й отдел разработал операцию по ликвидации агента. Она была осуществлена агентом 5-го отдела УКГБ по Москве «Федором» — А. Федотовым 25 июля 1980 г. в Москве».

Вербицкая Наталья:

«Афанасьева ему (Высоцкому) наркоту доставляла от своих главных работодателей - из КГБ. И таскалась за ним как наемная собака КГБ, в кодле друзей-подонков.И стучала обо всем

вызнанном и подслушанном. КГБ надо было рассорить его с Мариной Влади, а для этого его надо было оклеветать !! Для этого и запустили к нему эту подсадную утку -- изображать любовницу и таскать ему наркотики, чтоб он из одури не выходил. И перед подонком Янковичем была поставлена задача -- распустить КЛЕВЕТУ - что потаскушка Афанасьева стала любовницей Высоцкого, и что он из-за нее хочет развестись с Мариной Влади ! Хор друзей-подонков охотно подвывал этой клевете!

Афанасьева - соучастница убийства Высоцкого, в ее присутствии на него бросился со шприцом врач-убийца Федотов, а друзья-подонки его связали. Потом все ввали, что Высоцкий вел себя неадекватно, это ложь ! Его связали, в рот ему воткнули кляп !! Потом запустили в квартиру тех, кого он сам бы не впустил. Они обшарили всю квартиру, выкрали очень много бумаг и письма Влади в том числе».

«На Запад рвалась советская корпоратократия, которая меньше всего была заидеологизирована и видела в этом расширении контактов исключительно практическую цель — накопление капиталов и постепенное слияние с западной корпоратократией. И роль КГБ в этом процессе была одной из главенствующих, поскольку это было наиболее мощное и информированное советское учреждение из всех существующих. КГБ, благодаря контролю над всеми советскими валютными счетами на Западе, направлял все эти финансовые потоки и создавал мощную базу для функционирования денежных средств, которые чуть позже получат название «золото партии».

С начала 70-х, после того как были установлены закулисные контакты советских корпоратократов с западными глобалистскими центрами в Европе, вроде Римского клуба, началась перекачка советских денег в западные банки.

Советская корпоратократия все сильнее брала крен в сторону чистого бизнеса, оставив идеологию лишь в качестве ширмы.

Такая ситуация складывалась во всех советских госструктурах, включая КГБ. В качестве ширмы Комитет все еще выставял на авансцену своей работы идеологию, но на самом деле это уже было бизнес-учреждение, которое работало не столько ради идеи сколько ради денег и красивой жизни.

Значительная доля «нефтяных денег» составила основу пресловутого «золота партии», которое советская корпоратократия переводила за рубеж и там сосредотачивала в значительных объемах в различных банках, подконтрольных советским спецслужбам. Из этих денег оплачивались и тайные операции за рубежом, вроде тех, в которых принимали участие и Высоцкий с Влади».

О Марине Влади:

26 июля 1980. Марина на кухне: "Да, я его похоронила полгода назад!"

О. Трифонова (жена писателя Ю. Трифонова): «Слова Марины над гробом: "Бедный, маленький дурачок из подворотни..."».

«Во Франции она перестала сниматься, перестала посещать людные места, стала затворницей. От затяжной депрессии Марину спас врач-онколог Леон Шварценберг. Много лет он лечил от рака сестру актрисы. Леон ушел от жены и сына, оставив им дом, и попросил Марину временно его приютить. «Временно» затянулось на 23 года.

Злая ирония судьбы: онколог Шварценберг умер от рака. В последние месяцы его жизни Марина, чтобы заглушить боль и страх, начала прикладываться к бутылке. После смерти мужа вновь погрузилась в длительную депрессию.

Актриса похоронила двоих мужей. Старший сын Игорь попал в автокатастрофу и долгое время пролежал в коме. Его дочери - внучки Марины, ехавшие вместе с отцом, - скончались.

«С некоторых пор смерти я не боюсь вообще», - улыбаясь, сообщает Влади.

Однако несмотря на «железное сердце» и редкостное пренебрежение к смерти, Марина Влади до сих пор твердит одно: «Самое большое счастье - это жить. Я столько похоронила: мужей, родителей, сестер, детей. Мне теперь нужно жить не только за себя, но и за своих покойников».

Эпилог:

Г. Епифанцев: «Лежит Володька в гробу на сцене театра на Таганке и дает свой последний спектакль; народу – переаншлаг, цветов гора. Звучит «Лакримоза» Моцарта, я кое-что вспомнил, улыбнулся...

В начале 60-х годов купил я проигрыватель и пластинку «Реквием» Моцарта, и мы с Володькой в такую игру играли: у каждого своя бутылка коньяку, блюдечко с лимоном и хрустальные рюмки «баккара». Раздевались донага, ложились на пол, каждый у своей бутылки, выпивали по рюмке, заводили пластинку и, сложив руки на груди, представляли, что мы умерли, а по нам человечество рыдает, играет, поет Моцарта. Одна сторона пластинки заканчивалась, переворачивали по очереди, еще по рюмке, ломтику лимона с сахаром, звон французских рюмок, - «мир душе твоей» - говорили друг другу, и опять руки на грудь и вторую сторону слушали, а пластинок две, сторон четыре. Никуда не спешим, лето, у меня отпуск, Володька вообще нигде не работает, вне театра, показывался в «Современник» - Ефремов не взял, к Любимову Любшин его только через год поведет, на улице июль (1963), лето, жара; деньги у нас есть, 200 рублей дал Марк Фрадкин из соседнего подъезда, коньяк стоит 4 р. 12 коп. бутылка, «Реквием» чудо! можно слушать бесконечно, потом спим, сходим в магазин и опять под реквием ложимся. Конечно и Эллу Фицджеральд слушали на магнитофоне и джаз, но в это лето в основном шел реквием!..

Иногда это было длинновато, и мы усовершенствовали ритуал: пили под «Лакримозу» («Lacrimosa - «День слез») - она короткая, а когда уже хорошо становится, можно и пленку на 45 минут включить, и чтобы быстрее было уже не раздевались, а ложились на пол одетыми, и иногда, бывало, при гостях – как зазвучит «Лакримоза», мы из любого положения на пол бряк, и что хотите с нами делайте, но пока «Лакримоза» не кончится, мы не шелохнемся.

Так вот: на поминках Высоцкого администратор, который устраивал похороны (с Таганки) рассказал, что Володя завещал ему, чтобы во время похорон в траурную музыку вмонтировали раза три-четыре «Лакримозу» Моцарта и сказал, что один человек (но не сказал кто) на похоронах умрет от смеха».